ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОЧТЕННЫЕ ДНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОЧТЕННЫЕ ДНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ"
РЕВЕЛЬ

Печатано въ типографіи Эд. Бергмана въ Юрьевѣ-Tartu.

Отъ автора.

Три разсказа и драматическая сказка, собранные въ этой книгѣ, въ разныхъ образахъ, представляютъ одно высказываніе о сочтенныхъ дняхъ нашей прежней жизни. Давно почувствовавъ колебаніе нашихъ стѣнъ, мы жаждали перемѣнъ и не боялись великихъ потрясеній. Домъ нашъ объятъ великимъ пламенемъ, и змѣя, живущая въ огнѣ, поднимаетъ голову и требуетъ многоцѣнныхъ жертвъ. Намъ надо жить надеждами, и только тогда мы поймемъ тайну самосожженія зла. Тотъ, кто безстрашно наступитъ на голову змѣи, живущей въ огнѣ, побѣдитъ ее, спасется самъ и спасетъ другихъ. Изъ пламенной купели мы выйдемъ къ радостному торжеству.

Сочтенные дни

Разсказъ

Если на прочный помостъ станутъ взваливать грузъ за грузомъ, то кажется сначала, что безконечна способность сопротивленія тяжелыхъ бревенъ помоста. По вотъ вкатывается еще одна тачка съ какимъ-нибудь пудомъ или двумя камней, и вдругъ слышенъ слабый, но зловѣщій трескъ. Помостъ еще держится, но уходи отъ него подальше, — уже скоро бревна подломятся, все сооруженіе рухнетъ на землю, и столбъ пыли заволочетъ грузный грохотъ обвала.

Если человѣкъ долго сидѣлъ подъ замкомъ, и вдругъ въ стѣнѣ его затвора повалилось одно бревно, и придавило узнику ноги, и въ щель стѣны повѣяло свѣжимъ воздухомъ, узнику вдругъ становится и страшно, и радостно. Страшно, — не сломаны ли ноги? Удастся-ли сбросить бревно? Или такъ и погибнешь, словно крыса въ мышеловкѣ? И все же радостно, потому что грудь узника дышетъ ровно и свободно. Передъ глазами плывутъ радужныя пятна и кольца, и все кажется сномъ.

Такой переломъ въ настроеніяхъ нашихъ и въ нашемъ отношеніи къ войнѣ случился, когда нѣмцы взяли обратно Перемышль. И такимъ узникомъ съ придавленными ногами, но съ широко и свободно дышащею грудью оказалась вскорѣ Россія. Еще не было свободныхъ путей никуда, но уже пустынный вѣтеръ свободы вѣялъ. Его гулъ былъ страшенъ для слабыхъ, — многимъ чудилась близкая гибель Россіи еще и въ тѣ томительные дни.

Въ то лѣто, въ началѣ перелома, ощущалось только смятеніе тяжелаго обвала, болѣзненная придавленность и безмѣрное, безпредметное раздраженіе. И это раздраженіе особенно тяжело чувствовалось не въ средоточіяхъ, — тамъ люди заняты дѣломъ, имъ не до психологіи, — а на проселочныхъ путяхъ жизни. Люди, отдыхавшіе лѣтомъ, ложе отдыха почувствовали жестокимъ и колючимъ.

На берегахъ Волги, въ верхнихъ и среднихъ ея частяхъ, въ то лѣто поселилось не мало людей, которые раньше жили на дачахъ гдѣ-нибудь близъ Петрограда, или на Финскомъ или Рижскомъ побережьи. Въ семи верстахъ отъ торговаго верхневолжскаго города жилъ со своею семьею профессоръ Борисъ Павловичъ Кратный. Его семью составляли жена, дочь, двое мальчишекъ. Они жили въ большомъ домѣ, среди парка, красиваго и уютнаго, немного запущеннаго, и оттого еще болѣе милаго, грустнаго и задумчиваго. Хозяинъ барской усадьбы, офицеръ, былъ на войнѣ, на юго-западномъ фронтѣ, въ штабѣ одной изъ армій. Его жена захолустной жизни терпѣть не могла, и жила на дачѣ подъ Кіевомъ у своихъ родственниковъ, — ближе къ мужу, и среди безпечно-богатыхъ людей, жизнь которыхъ текла такъ безоблачно, словно и не было войны. Домъ поэтому сдавали дачникамъ. Маленькую дачу, на берегу Волги, сдавали и раньше, если не ожидалось пріѣзда родственниковъ. Тамъ поселилась другая семья, мѣстные интеллигенты Балиновы, — мать-вдова, дочь-вдова, сынъ — долговязый и улыбчиво-мрачный гимназистъ, только-что перешедшій въ восьмой классъ. Только въ это лѣто Кратные и Балиновы познакомились, и сошлись очень, понравились другъ другу, что рѣдко бываетъ съ русскими интеллигентными семьями.

Однажды утромъ, воспользовавшись очень хорошею погодою, собрались сдѣлать небольшую прогулку на дачномъ пароходѣ, внизъ по Волгѣ до ближайшей пристани, и тамъ, на другой сторонѣ рѣки, провести день.

Хотя пристань маленькихъ дачныхъ пароходовъ была тутъ же, подъ паркомъ, только спуститься съ крутого берега, а все-таки опоздали, и на большой дачѣ, гдѣ жила семья Кратнаго, и на маленькой, гдѣ жили Балиновы. Можетъ быть, надѣялись, что по обыкновенію опоздаетъ пароходъ, но какъ на зло пароходъ сегодня пришелъ во-время.

Кратный охотнѣе сегодня остался бы дома. Его занятія, казалось ему, требовали большой усидчивости. Онъ дорожилъ лѣтними мѣсяцами, какъ временемъ, когда удавалось больше работать, чѣмъ въ городѣ зимою. Поэтому онъ предпочиталъ селиться лѣтомъ не въ шумныхъ дачныхъ мѣстностяхъ съ обычнымъ наборомъ музыкъ и развлеченій. Его жена, Далія Алексѣевна, понемногу усвоила его вкусы и привычки, хотя вначалѣ скучала и сердилась.

И потому еще сегодня Кратный охотно остался бы дома, что онъ читалъ недавно вышедшую необыкновенно-интересную книгу по его спеціальности, и въ этой книгѣ многое требовало основательныхъ справокъ, соображеній и возраженій. Въ результатѣ могло получиться нѣсколько популярныхъ газетныхъ статей, полемическая статья для спеціальнаго журнала и нѣсколько страницъ въ той книгѣ, которую кончалъ Кратный. И потому его тянуло поработать. Но его жена, Далія Алексѣевна, настаивала, чтобы и онъ поѣхалъ. Со свойственными ей настойчивостью и запальчивостью она говорила:

— Нельзя же все сидѣть за книгами. Ты совсѣмъ изведешься, если у тебя и лѣтомъ не будетъ достаточно отдыха. Мальчики тебя почти совсѣмъ не видятъ.

Это было не совсѣмъ такъ, — съ мальчишками Кратный бывалъ достаточно, и сегодня онъ бы все-таки

остался. Но у него было слишкомъ живое воображеніе, и всегда, если къ обѣду запаздывала жена или кто-нибудь изъ дѣтей, ему воображались всякіе ужасы. Сегодня же, конечно, непремѣнно опоздаютъ. Пожалуй, вздумаютъ даже у кого-нибудь ночевать. Дѣти же у Кратнаго были рѣзвыя и своевольныя. Поѣдутъ на лодкѣ, зашалятъ, сами утонутъ, и мать утопятъ.

Въ это лѣто все окружающее казалось Кратному особенно враждебнымъ и зловѣщимъ. И потому его воображеніе работало особенно болѣзненно. Далія же въ послѣднее время очень нервничала. Была неспокойна. Часто сердилась на своихъ дѣтей. Точно завидовала ихъ безпечной веселости и самоувѣренности.

У Кратнаго было два сына, веселые мальчишки — Гука и Мика, четырнадцати и двѣнадцати лѣтъ, и дочь Вѣрочка, семнадцати лѣтъ, тоже веселая и бойкая; всѣ они были красивые, сильные, рослые. У нихъ была своя особенная жизнь, которой Кратный не понималъ и къ которой не могъ и не хотѣлъ примѣниться. По капризу сильнаго умомъ и душою и много-размышляющаго человѣка онъ думалъ, что только его мысли и настроенія вѣрны. Чужую мысль онъ схватывалъ на лету, легко и свободно, но уважать ее не могъ. Дѣти казались ему слишкомъ сильными, слишкомъ обыкновенными, и потому странными. Они были очень увѣренныя и самостоятельныя, и въ то же время не отличались никакими особыми талантами. Учились не плохо, но ни въ чемъ не отличались. Были хорошими товарищами и тоже держались въ какой-то средней плоскости, — не вліяли на другихъ, и не поддавались вліянію вожаковъ. Умѣли взорвать чью-нибудь попытку верховодить, но сами верховодить не хотѣли, да и не умѣли. Никогда нигдѣ не были первыми, но не были и послѣдними.

— Золотая середина, — досадливо говорилъ иногда о нихъ Кратный.

Кратному непріятно было думать, что у него, такъ успѣшно работавшаго въ своей области, дѣти будутъ заурядными людьми. И ему была непонятна эта смѣлость и увѣренность посредственности. Иногда онъ съ досадою думалъ, что его семья являетъ какъ бы прообразъ будущаго человѣчества, — счастливая и бездарная, увѣренная и тупая толпа, всѣ дѣйствія которой элементарно-правильны и которой не надобно вождей и героевъ.

Далія тоже не понимала своихъ дѣтей, но она этого не замѣчала, и потому ей съ ними было легче, чѣмъ ему. Они мало съ нею считались, и ей казалось, что они ей послушны. Никогда съ нею не споря, они все дѣлали по своему, и умѣли дѣлать это такъ, что она никогда не замѣчала ихъ своеволія.

Сегодня всѣ трое дѣтей Кратныхъ уже съ ранняго утра были у берега на дачѣ Балиновыхъ. Вѣрочка съ Володею Балиновымъ и съ братьями спустилась къ рѣкѣ. Здѣсь ея братья, Гука и Мика, шалили у воды, высоко подобравъ синіе штанишки, разбрызгивая загорѣлыми ногами холодноватую воду, а Вѣрочка спорила до слезъ съ Володею. Володя дразнилъ ее нарочнымъ споромъ, улыбчивый, тощій и хмурый. Вѣрочка краснѣла и хмурила брови.

Наверху, у взрослыхъ, было свое. Наталья Степановна Балинова торопила кухарку печь въ дорогу ватрушки. Ватрушками она очень гордилась, — старый семейный рецептъ, пережившій незапамятные годы. Ея дочь, Калерія Львовна, сидѣла на скамейкѣ подъ окнами дачи, то смотрѣла на Волгу, то опускала невнимательные глаза на книгу, — она читала этотъ романъ уже четвертый день, и онъ ей наконецъ надоѣлъ. Разговаривать съ людьми она не любила. Ея женихъ былъ въ плѣну, и она хотѣла въ жизни пока только одного, — чтобы скорѣе кончилась война, и онъ вернулся-бы. Сначала она тосковала о немъ, и плакала. Когда онъ попалъ въ плѣнъ, она

успокоилась, — не убьютъ, вернется. И опять, какъ до войны, стала носить красные сарафаны.

Когда Кратный съ женою подходили по берегу къ саду маленькой дачи, ватрушки все еще не были готовы но Наталья Степановна сердилась на Кратныхъ, ворчала и упрекала ихъ. Въ то же время къ пристани подошелъ пароходъ. Немногочисленные пріѣзжіе вышли по шаткой доскѣ, брошенной съ пристани на бортъ парохода, нѣсколько человѣкъ ждали очереди входить.

Завидѣвъ Кратныхъ, Наталья Степановна заворчала:

— Ползутъ наши улитки. Наконецъ-то, — сказала она громко. — А мы васъ ждемъ, ждемъ.

Калерія подняла глаза отъ книги, встала, и вяло усмѣхнулась. Отъ того, что ея сарафанъ былъ ярко красенъ, казалось, что ея лицо молодо, свѣжо и румяно, и незамѣтны были усталыя складки около губъ.

— Пароходъ! — кричали снизу мальчишки. — Сейчасъ отходитъ.

Балинова наскоро завязывала ватрушки. Говорила суетливо:

— Идите, я васъ догоню. Скажите, чтобы минутку подождали. Если Иванъ Порфирьевичъ, онъ подождетъ.

Калерія побѣжала впередъ, Кратный и Далія пошли за нею. Но уже пароходъ отходилъ какъ разъ въ то время, когда Кратный и Далія подходили къ тому мѣсту, гдѣ дорожка спускалась круто внизъ, къ пристани. Мужики съ палубы парохода кричали имъ что-то грубое и насмѣшливое. Наталья Степановна, запыхавшись, подбѣжала къ верхнему краю спуска, и остановилась, говоря сердито:

— Вы всегда опаздываете!

Далія оправдывалась... Такъ многословно говорила, и такъ ожесточенно, — и выходило, что всѣ виноваты, и что она давно бы пришла, если бы ей не мѣшали.

— По хозяйству. Вы не знаете, какая она безтолковая, наша Паша. Воды не добьешься. И въ самый

послѣдній моментъ, когда уже надо уходить, вдругъ у нея какія-нибудь дѣла.

Калерія не спорила и не упрекала. Она спокойно сѣла на скамейку близъ дома путевого сторожа, и спрашивала:

— Что же теперь дѣлать?

— Ну что-жъ! — рѣшила Далія, — сядемъ на слѣдующій пароходъ.

Она никогда не знала времени, и ей всегда казалось, что если подождать, то все же можно пріѣхать во-время. Поэтому всегда вездѣ опаздывала, чѣмъ приводила мужа въ отчаяніе.

Наталья Степановна съ раздраженіемъ говорила:

— Слѣдующій пароходъ придетъ только черезъ два часа. Когда же мы туда попадемъ? Къ вечеру.

Обыкновенно она была спокойная и любезная женщина, и ея раздраженный тонъ былъ непонятенъ ей самой. Тѣмъ болѣе, что времени было еще много. Былъ одиннадцатый часъ въ началѣ, и до Берлогина, куда они хотѣли ѣхать, пароходъ шелъ около получаса. Калерія подумала, что красный цвѣтъ ея сарафана раздражаетъ мать. Она вяло усмѣхнулась. Подумала:

«Не надѣть-ли другое платье?»

Но ей стало скучно думать о томъ, что придется переодѣваться.

«Нѣтъ, останусь такъ!»

Прибѣжали съ низу мальчики и Вѣрочка, очень огорченные неудачею. Упрекали мать всѣ на перебой:

— Мамочка, съ тобою всегда опоздаешь.

Далія прикрикнула на нихъ:

— Ну, пожалуйста, безъ наставленій. Вы одинаково весело можете провести время и здѣсь на берегу.

Гука сказалъ весело:

— Если бы мама была царицею, она вставала бы въ семь часовъ вечера.

— Ну, и глупо, — сердито крикнула Далія. — Я сегодня въ семь утра проснулась.

— А встала?

— А если она мнѣ чаю цѣлый часъ не несла? И башмаки?

Стали разсуждать, что же теперь дѣлать? Было три выхода: Ждать слѣдующаго парохода? Нанять лодку? Итти пѣшкомъ?

Наталья Степановна совѣтовала ждать парохода. Ей пріятно было думать:

«Вотъ опоздали, такъ теперь подождите».

Калерія Львовна хотѣла нанять лодку. Медленное движеніе внизъ по рѣкѣ всего болѣе соотвѣтствовало бы ея тоскливо-бездѣятельному настроенію.

Далія настаивала:

— Пойдемте пѣшкомъ.

Сообразивъ, что ждать два часа скучно, уже она отказалась отъ мысли сѣсть на слѣдующій пароходъ. А ѣхать въ лодкѣ такъ далеко она не хотѣла. Далія боялась воды съ тѣхъ поръ, какъ ея двоюродный братъ утонулъ десять лѣтъ тому назадъ. Онъ погибъ при загадочныхъ обстоятельствахъ, и нельзя было рѣшить, утонулъ ли онъ, купаясь, или его утопили. Въ деревнѣ, гдѣ это случилось, ходили темные слухи, но дѣло осталось невыясненнымъ. Даліи казалось съ тѣхъ поръ, что вода притягиваетъ. Когда она долго смотрѣла съ высокаго берега на рѣку, у нея кружилась голова, и она отходила подальше. Но все же она любила воду, рѣку и море, и даже купалась. Очень сложно было ея отношеніе къ водѣ, — любовь, страхъ, неодолимое влеченіе и темная жуть.

Спорили недолго. Самая настойчивая была Далія. И она настояла таки на своемъ. Ея быстроногіе мальчишки были рады, и у нихъ засіяли счастливыя улыбки. Солнце, небо и золотистая дорожная пыль всегда радостно

возбуждали ихъ. Они принялись возиться. Наталья Степановна посмотрѣла на нихъ сурово, и сказала:

— Мальчики! У васъ отецъ — такой ученый, а вы возитесь, какъ крестьянскіе мальчишки.

Мальчишки остановились и смотрѣли на нее.

Гука нахмурился и серьезно сказалъ:

— Товарищъ, вы ставите вопросъ не въ ту плоскость.

Всѣ засмѣялись. Вдругъ перестали сердиться другъ на друга. Пошли узкою дорожкою надъ берегомъ, между крутымъ срывомъ и полями зрѣлыхъ колосьевъ.

Гимназистъ Володя Валиновъ по обыкновенію ссорился съ Вѣрочкою. Оба они были еще слишкомъ молоды, чтобы по-настоящему влюбиться другъ въ друга, но уже всемірная влюбленность волновала ихъ обоихъ. Калерія Львовна, какъ всегда, была молчалива и думала о своемъ. Перваго своего мужа она никогда не вспоминала. Думала о томъ, что ея женихъ въ плѣну. Онъ попалъ въ плѣнъ тяжело раненый. Теперь поправился, но шрамъ на щекѣ останется на всю жизнь. Онъ пишетъ, что шрамъ безобразитъ его. Но ей онъ еще болѣе милъ.

Кратный шелъ рядомъ съ Калеріею. Не зналъ, о чемъ говорить съ нею.

— Вы чѣмъ-то озабочены? — спросилъ онъ, заглядывая въ ея скучающіе глаза.

Она посмотрѣла на него съ безразличною довѣрчивостью.

— Нѣтъ, ничего, — сказала она, поеживаясь полными плечами, на которыхъ вздрагивали узкія лямки краснаго сарафана, оставляя на загорѣлой кожѣ узкія натертыя полоски.

Потомъ, не замѣчая, что сама себѣ противорѣчитъ, стала говорить, что ее заботитъ, и въ голосѣ ея звучала тревога.

— Давно отъ Сергѣя писемъ нѣтъ. Это меня начинаетъ безпокоить. Здоровъ-ли? Говорятъ, что ихъ тамъ

очень плохо содержатъ. Правда, онъ — прапорщикъ, офицерамъ все же лучше. Но все-таки очень безпокойно, — прежде онъ довольно часто писалъ.

Кратный уже зналъ, что Сергѣй — ея женихъ. Онъ сказалъ:

— Все же безопаснѣе, чѣмъ на фронтѣ. Не убьютъ. Послѣ войны вернется.

Онъ увидѣлъ, какъ быстро краснѣло ея плечо. Принагнувшись впередъ, заглянулъ въ ея лицо, — оно все ярко пылало. Кратному стало жаль Калерію, — она могла обидѣться за жениха. Онъ хотѣлъ сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ, но она уже говорила:

— Онъ взятъ въ плѣнъ тяжело раненый. Нѣтъ, онъ не думалъ о безопасности.

Кратный пожалъ голый локоть ея руки. Она посмотрѣла на него, и улыбнулась застѣнчиво и благодарно.

Шли по полямъ. Уже видна была за оврагомъ съ шумною рѣчкою деревня Кобылки. Хрипло залаяли двѣ собаченки. Гука сказалъ:

— Ну, вотъ сейчасъ узнаемъ всѣ новости.

Мика побѣжалъ къ оврагу. И тогда всѣмъ вдругъ стала понятна причина общаго раздраженія. Далія принялась многословно объяснить, что безъ газетъ утромъ очень непріятно. Никто съ нею не спорилъ. Кому изъ горожанъ не понятна эта утренняя тоска о почтальонѣ!

Въ деревнѣ Кобылкахъ жилъ Кириллъ Потапчикъ, бывшій пьяница и хулиганъ, а теперь мѣстный вольный письмоносецъ. Почтовая станція была за три версты отъ Зеленой горки, гдѣ жили Кратные и Балиновы, казеннаго почтальона не полагалось, а потому письма съ почты получалъ и дачникамъ разносилъ Потапчикъ. За это онъ получалъ по пяти рублей съ дачи, кромѣ частыхъ на-чай. Переставши быть записнымъ пьяницею, Потапчикъ казался степеннымъ и честнымъ человѣкомъ. По большей части, особенно въ будни, онъ исполнялъ свои

обязанности добросовѣстно. По праздникамъ онъ пилъ денатуратъ или ханжу, падалъ на дорогѣ, засыпалъ и разсыпалъ письма. Дачники собирали ихъ сами, и доставляли другъ другу съ окказiею.

Когда спускались съ крутого берега къ рѣчкѣ, гдѣ было больше каменьевъ, чѣмъ воды, Калерiя сказала:

— Прошлое лѣто приходили открытки, нынче я еще ни одной не получила.

Володя сказалъ:

— Рашка воруетъ, зимой на стѣну картинки повѣситъ.

— Тише, Володя, — сказалъ Кратный, — она услышитъ, обидится.

Рашка, дочь Потапчика, долговязый подростокъ, вся черная отъ загара, стояла на крылечкѣ своего дома, и сверкала зубами, неимовѣрно бѣлыми, — улыбалась. Ея ноги были черны отъ загара и отъ грязи, такъ что издали казалось, что она обута. И отъ ея загорѣлости ея свѣтлая юбочка казалась особенно нарядною.

Рашка радостно закричала:

— Бѣлыя кости пришли въ гости.

Она была веселая, и всему радовалась.

— Заходите, — говорила она, — папка принесъ газеты. Теперь отдыхаетъ. Собирался сейчасъ разносить. Можетъ быть, сами возьмете? А писемъ сегодня нѣтъ.

И улыбалась воровато.

— Сразу видно, — шепнула Вѣрочка Калерiи, — что она стянула наши открытки.

Кратный вошелъ въ домъ къ Потапчику, остальные ждали у крыльца. Скоро Кратный вышелъ съ пачкою газетъ. Жадно расхватали газеты. Тутъ же сѣли на крыльцо, на скамейку, читали. Былъ слышенъ только шелестъ бумаги. Мальчишки толкались и засматривали изъ-за плеча взрослыхъ. Въ окно высунулась взлохмаченная голова Потапчика.

— Пишутъ, нашихъ шибко побили, — сказалъ онъ.

И улыбался такъ, словно разсказывалъ что-то необыкновенно прiятное. Кратный поднялъ на него удивленные глаза. Потапчикъ нагло хмыкнулъ и скрылся.

Въ газетахъ пришлось прочесть печальныя вѣсти. Всѣ стали злы и угрюмы. Калерiя первая отбросила газетный листъ, и порывисто встала.

— Пойдемте! — сказала она.

За нею поднялись и другiе. Кратный засунулъ газеты въ боковой карманъ пиджака. Молча пошли дальше. Ни слова не сказали, пока шли черезъ фабричную слободу надъ Волгою. Длинный порядокъ новенькихъ домовъ, уютныхъ и хозяйственныхъ, — играющiе на берегу ребятишки, — пахучiя, смолистыя бревна, — опрокинутыя вверхъ черными доньями лодки, — все шло мимо сознанiя. И даже мальчишки не смѣялись, не шумѣли, не шалили, — тихо переговаривались о чемъ-то другъ съ другомъ.

Вотъ двѣ церкви, — старообрядческая съ оградою, гдѣ нарядливы и чинны цвѣточныя клумбы, и православная, около которой поломанная ограда, сорный пустырь, крапива и лопухъ. А за ними дома старшихъ фабричныхъ служащихъ и спускъ, — деревянная новенькая лѣстница, — къ пароходной пристани. Здѣсь останавливаются и Самолетъ, и Кавказъ и Меркурiй. Есть и наемныя лодки.

Сѣли на скамеечкѣ у лѣстницы внизъ. Мальчишки Кратнаго швыряли камни въ куръ. Полевые скаты за рѣкою были зелено-ярки. Изъ воротъ фабричной ограды вышли фельдшерица Ульяна Ивановна Козлова и ея мужъ, учитель Павелъ Степановичъ. Она — бойкая, скорая и большая. Онъ — маленькiй, щуплый, въ очкахъ. Поздоровались.

— На почту заходили, за газеткой, — объяснила Ульяна. — Прочитали тамъ же, на крылечкѣ.

— Ну, что скажете? — спросилъ Кратный.

— Да что сказать!

— Что же будетъ? — спросила Калерія.

— Не справиться намъ съ германцами, — увѣренно сказалъ Козловъ. — Вы то возьмите, у нихъ у солдата въ ранцѣ сочиненія Гете лежатъ, а наши христолюбивые воины наполовину неграмотны. И притомъ же порядку никакого. Нѣтъ, намъ съ германцами не справиться.

Кратный слушалъ его внимательно. Увѣренность щуплаго учителя съ сѣренькою бородкою удивляла и сердила его. И вдругъ ему стало страшно и неловко. Онъ смотрѣлъ на людей, и казалось, что они потому и молчатъ, что знаютъ что-то, чего онъ не знаетъ. Онъ заговорилъ злобно, точно споря:

— Мы должны вѣрить. Насколько мы — русскіе, мы должны вѣрить въ Россію и въ побѣду.

Кратный самъ чувствовалъ, что это выходило слишкомъ патетически. И вѣры у него не было. Калерія смотрѣла на него молча, ничего не отвѣчая. И все болѣе настойчиво казалось Кратному, что она знаетъ что-то, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ. Онъ опять осмотрѣлся, — и у Ульяны, и у ея мужа было то же выраженіе. Потомъ всѣ эти дни это ощущеніе не покидало его.

Межъ тѣмъ Вѣрочка и Володя нанимали двѣ лодки перевезти на тотъ берегъ. Крикнули снизу:

— Готово.

Всѣ, тихо переговариваясь, пошли внизъ.

Долго усаживали Далію. Она не хотѣла ѣхать съ молодежью, боялась ихъ шалостей, но и боялась отпустить ихъ однихъ. Наконецъ усадила дѣтей съ собою, и строго велѣла имъ сидѣть смирно. И вмѣстѣ съ нею поѣхалъ Кратный.

Лодочникъ, чахлый пожилой мужикъ, заговорилъ:

— Сказываютъ, опять нашихъ бьютъ. Видно, не беретъ наша сила. Мириться надо.

— Сегодня помиримся, черезъ пять лѣтъ опять воевать, — отвѣчалъ Кратный.

Мужикъ глядѣлъ мимо его плеча, гребъ съ усиліемъ, и говорилъ:

— Всѣхъ мужиковъ забрали, однѣ бабы остались. Въ Березкахъ на всю деревню три мужика. Работать некому. Бабы воютъ, — она сына ростила, кормила, а его на убой гонютъ. Скорѣе бы войну кончали.

Кратный взглянулъ на своихъ мальчишекъ. Мика сказалъ:

— Если бы мы постарше были, мы бы добровольцами пошли.

Мужикъ, не слушая ихъ, продолжалъ свое, — унылымъ, ровнымъ голосомъ тянулъ безконечныя жалобы на то, что все дорого, что всѣмъ даютъ прибавки, и что ему надо прибавку. Кратный слушалъ, и словно въ сердцѣ ныла заноза. И онъ обрадовался, когда наконецъ лодка стукнулась о доски маленькаго плота. И мальчишки попрыгали на песокъ изъ лодки такъ, словно вырвались изъ душнаго затвора.

Вошли въ рощу. Остановились въ тѣни стараго дуба.

У берега изба-чайная, при ней лавка. Заспорили, что брать, — чай, молоко.

Мальчишки возились на полянѣ.

Далія и Наталья Степановна отправились въ чайную. Долго не возвращались. За ними пошелъ Кратный. Засталъ ихъ въ ожесточенномъ торгѣ съ хозяиномъ. Въ чайной сидѣло нѣсколько мужиковъ. Кратнаго поразило недоброжелательство и злорадство мужиковъ.

— Не стоитъ торговаться, — сказалъ онъ тихо.

И почти силою увелъ Далію.

Когда Кратный выходилъ изъ чайной, все вдругъ казалось ему скучнымъ, сорнымъ, глупымъ и непонятнымъ. Казалось, что и пѣтухъ, и куры, и тощая, грязная свинья чѣмъ-то похожи на хозяевъ.

— Подавать, что-ли? — насмѣшливо спрашивалъ хозяинъ, мужикъ дюжій, съ перешибленнымъ носомъ и ястребинымъ взоромъ.

Наталья Степановна заказала чай и молоко.

Козловъ и Балиновы яростно заспорили о войнѣ.

Кратный повторялъ настойчиво:

— Все зависитъ отъ насъ самихъ. Если мы будемъ вѣрить въ Россію, мы побѣдимъ. Стоитъ только захотѣть побѣды. Если во всѣхъ насъ будетъ волевое напряженіе къ побѣдѣ, оно скажется во всемъ ходѣ нашихъ дѣлъ и мы побѣдимъ.

Учитель Козловъ уныло повторялъ:

— Да хотѣть-то мы не умѣемъ. Всѣ точно неврастеники какіе-то. Развѣ можно насъ съ германцами сравнивать?

Устроились за щелистымъ деревяннымъ столомъ въ тѣни веселыхъ березокъ, — береза даже и въ старости кажется юною да веселою. Долго ходили въ чайную и обратно, за сахаромъ, за ложками. Сначала ложекъ не дали, угрюмая прислуживающая дѣвица принесла стаканы и блюдца, потомъ кипятокъ въ чайникѣ побольше, и чайникъ поменьше для чаю. Все разное, съ пообколоченными краешками, съ неотмытою грязью въ западинахъ и въ сгибахъ. Володя пошелъ за ложками. Туполицая лавочница тупо говорила ему:

— Ложки только если съ вареньемъ.

— Да мы не хотимъ вашего варенья, — сказалъ Володя.

Туполицая лавочница отвѣчала:

— Тогда, значитъ, въ прикуску, зачѣмъ же вамъ ложки!

— Да ужъ мы знаемъ, зачѣмъ! — досадливо сказалъ Володя.

Хозяева долго и нудно ворчали:

— Варенья не берутъ, ложечки требуютъ.

Наконецъ достали и швырнули на прилавокъ двѣ ложки. Володя сказалъ:

— Зачѣмъ же бросаете?

— Что жъ, вамъ на подносѣ подавать, что-ли? — язвительно спросилъ хозяинъ.

— Въ ноги кланяться прикажете? — такъ же язвительно кричала хозяйка.

И хозяинъ говорилъ уже свирѣпо:

— Довольно вы надъ нами побарствовали. Попили нашей кровушки.

Володя поторопился уйти. Два фабричныхъ рабочихъ хохотали, сидя въ углу за столомъ. Лавочникъ и его жена смотрѣли на Володю злобно и угрюмо, и говорили странныя, ненужныя слова:

— Господа туда же называются.

— Напялили шляпки, лодырничаютъ цѣлые дни.

— Нѣтъ, они бы попробовали по-нашему.

— Горбомъ деньги наживаемъ.

— У нихъ деньги легкія, а между прочимъ на варенье жалко разскочиться.

— Съ собой принесли чего-то въ картузикахъ, сидятъ, жрутъ.

Сѣдой мужикъ въ неимовѣрно-грязномъ зипунѣ, закутанный несмотря на зной, долго слушалъ, и сказалъ неожиданно злобно:

— А ты бы, Саватѣичъ, вмѣсто ложечки его палкой по башкѣ огрѣлъ.

И эти странныя слова нашли сочувственный откликъ:

— Вотъ въ самый разъ палкой.

— По башкѣ хорошенечко.

И каждый разъ, когда приходили за чѣмъ-нибудь въ чайную, опять поднимался споръ съ лавочникомъ и съ его женою. Это были глупые, тяжелые люди. Никакъ не хотѣли понять и согласиться. На все твердили одно:

— У насъ такое правило.

Взяли кувшинъ молока. Приволокла его угрюмая дѣвица, и на ея лицѣ было напряженное и злое выраженіе, словно она тащила громадную тяжесть.

Пили молоко только мальчишки и Ульяна. Далія любила молоко, но теперь изъ чувства противорѣчія пила

противный чай. Ульяна не любила молока, но теперь вдругъ захотѣла его пить, чтобы показать, что все деревенское ей нравится. Она говорила:

— Я вѣрю только въ деревню. Городскіе жители ничего не могутъ устроить.

Кратный отвѣчалъ ей:

— Голубушка, я тоже думаю, что хозяйственный мужикъ прочно устроитъ жизнь, когда придетъ его очередь стать у власти. Только вотъ вопросъ: скоро-ли придетъ для него эта очередь?

И опять закипѣлъ нудный интеллигентскій споръ. Козловъ говорилъ о кооперативахъ.

Наконецъ кончили, стали расплачиваться. Пришла угрюмая дѣвица, сказала шальныя цѣны. Далія ожесточенно заспорила. Кратный сказалъ:

— Не стоитъ спорить, Далія. Знаешь, теперь все дорого.

Балиновы и Кратные заплатили поровну. Ульяна сказала:

— Возьмите и нашу долю.

— Вы сегодня у насъ въ гостяхъ, — отвѣчалъ Кратный.

Калерія заглянула въ кувшинъ. Молоко было недопито. Мальчишки не захотѣли больше пить, и мать смотрѣла на нихъ злобно. Шипѣла:

— Напрасно брали. Скверное молоко, жидкое.

И вдругъ вспомнила, что гдѣ-то на свѣтѣ есть книги и высокія идеи, и что о копейкахъ не стоитъ такъ много думать. Но, отвѣчая своимъ мыслямъ, сказала злобно, словно нарочно принижая строй своей мысли:

— Намъ даромъ никто ни копейки не даетъ. Всѣ на войнѣ наживаются, только писателямъ никто не прибавитъ.

— Кто наживается, Далія? — спросилъ Кратный. — Не дай Богъ на войнѣ наживаться!

Гука сказалъ:

— Понесемъ молоко съ собою.

— Кувшина не дадутъ, — сказала Калерія, — а платить за него не стоитъ.

— Ну, такъ разольемъ его, — закричалъ Мика, — пусть никому не достается.

— Мальчишки, какъ вамъ не стыдно! — сказала Далія.

Но остальные всѣ, въ большой досадѣ, поддержали мальчишекъ. Да и Далія не стала спорить. И молоко пролили.

Гука потащилъ кувшинъ въ сторону. Поставилъ на землю. Поглядѣлъ по сторонамъ опасливо. Подошла Калерія, и вылила молоко на землю дѣловито и упрямо.

Хозяева чайной стояли на порогѣ, и ругались. Слова ихъ не были слышны, но фигуры и жесты были достаточно выразительны.

Калерія приподняла кувшинъ, и бросила его на землю.

Угрюмая дѣвица, громко ругаясь, подбѣжала.

— Кувшинъ зачѣмъ бьете? Хозяева ругаются. Деньги плачены.

— Цѣлъ вашъ кувшинъ, — флегматично отвѣчала Калерія.

— Молоко что розлили?

— Деньги заплачены.

— Чего-жъ озорничать!

Но уже ея не слушали, и шли по лѣсной дорожкѣ.

— Ну, вотъ, чайку напились, надъ Волгою посидѣли, — говорилъ Козловъ.

Возвращаясь, перессорились, изъ-за того, садиться-ли здѣсь въ лодку, или итти къ дому по этой сторонѣ. Лодка осталась на этой сторонѣ только одна, — другому лодочнику надоѣло ждать, и онъ переѣхалъ къ пароходной пристани.

Балиновы и Вѣрочка сѣли въ лодку. Ульяна и ея мужъ хотѣли было сѣсть вмѣстѣ съ ними, — имъ здѣсь было ближе къ дому, — но Далія такъ рѣшительно сказала:

— Пойдемте лучше съ нами, все равно, всѣмъ не помѣститься, а тамъ мы своего перевозчика покличемъ, — что Козловы остались. Пошли пѣшкомъ до того мѣста, откуда можно будетъ крикнуть перевозчику около дачи Кратныхъ. Шли черезъ дачный паркъ, гдѣ было успокоенно и тихо, и только одинъ разъ пробѣжали мимо двѣ дѣвочки, нарядныя и веселыя, какъ серафимы изъ фаланстеріи Фурье. Гука и Мика осторожно посторонились передъ ними, какъ передъ существами особенной, нѣжной породы, и побѣжали дальше, шаля и смѣясь. Далія шла рядомъ съ Козловымъ, и почему-то жаловалась ему на сосѣдей:

— Какъ опускаются интеллигентные люди! — тоскливо говорила она. — Калерія только о своемъ женихѣ думаетъ. Больше положительно ничѣмъ она не можетъ интересоваться.

Козловъ думалъ, что Калерія — очень хорошая и милая, но не зналъ, какъ спорить съ Даліею. Ульяна разсказывала Кратному о своей родинѣ, — далекій сѣверный край. Кратный слушалъ, только изрѣдка вставляя слово. Ему казалось страннымъ, что Ульяна увлекается своими разсказами, и говоритъ такъ весело, словно все на свѣтѣ благополучно, и не было этихъ ужасныхъ пораженій русскаго войска. Душа его была упоена тоскою, небо казалось ему пустымъ, и солнце катилось, какъ раскаленный и безсмысленный мѣдный шаръ.

Вечеромъ дома Кратный думалъ о сегодняшнихъ разговорахъ. Всеобщее безволіе заражало его. Онъ уныло думалъ:

«Конечно, не справиться намъ съ германцами».

А въ это самое время учитель Козловъ говорилъ наставительно своей женѣ Ульянѣ:

— Профессоръ Кратный правду говоритъ насчетъ Россіи. Онъ — ученый человѣкъ, и кромѣ того — умный человѣкъ. Если мы всѣ возьмемся за умъ, то германцу противъ насъ не устоять.

На другой день сыновья Кратнаго отправились въ городъ. Какъ всегда, встали очень рано, когда еще большіе спали. Раннее утро было росистое и душистое. Мальчишки для города надѣли новенькія синія рубашки, длинные галстуки, нарядныя шапочки; штаны у нихъ были короткіе, до колѣнъ, а обуви они не надѣли, побѣжали, какъ всегда, босикомъ.

Оба мальчика всѣ семь верстъ прошли пѣшкомъ. У села Зеленыя Горки встрѣтили отца Леонида съ сыномъ студентомъ и дьячка, которые шли на церковную землю. Отецъ Леонидъ съ сыномъ прошли впередъ. Мальчишки разговорились съ угрюмымъ дьячкомъ. Дьячекъ жаловался на судьбу, на бѣдность, на большую семью, на священника.

— Вотъ возьму, да и повѣшусь. На зло ему повѣшусь.

Мальчишки съ жуткимъ любопытствомъ распрашивали его, и ничего не понимали. Третья копейка, четвертая копейка, обиды, — но не смѣли спросить.

— Вѣдь это грѣшно повѣситься, — говорилъ Мика.

— А ему не грѣшно! Нарочно передъ его окномъ повѣшусь.

И вдругъ метнулся въ сторону, завидѣвъ что-то въ травѣ.

— Отецъ Леонидъ! — кричалъ онъ. — Вѣдь этакій человѣкъ! Рясу распахиваетъ, карманы дырявые, непремѣнно что-нибудь потеряетъ. Изволите видѣть, кошелекъ обронилъ.

Отецъ Леонидъ былъ уже далеко, не слышалъ. Дьячекъ затрусилъ за нимъ. Гука сказалъ:

— Я живѣе добѣгу.

Выхватилъ кошелекъ изъ дьячковыхъ рукъ и побѣжалъ. За нимъ помчался и Мика.

По дорогѣ купались въ Волгѣ. Въ городѣ зашли во всѣ лавки. Купили, что надо, навьючились десяткомъ пакетовъ, на пароходъ не успѣли, и опять пошли пѣшкомъ.

На обратномъ пути отдыхали на погостѣ села Зеленыя Горки. Погостъ былъ небольшой, свѣтлый, уютный. Могилы -- холмики съ простыми деревянными крестами — тѣсно жались одна къ другой, а у самой церкви было нѣсколько могилъ съ каменными плитами.

— А ночью сюда не пойдешь? — спросилъ Гука.

— Есть охота. Да я не боюсь, — отвѣчалъ Мика.

— Ульяну сюда привести, — сказалъ Гука, и засмѣялся.

— Думаешь, струситъ?

— А кто ее знаетъ.

Къ завтраку прибѣжали домой, къ половинѣ второго.

Послѣ завтрака пришла Рашка. Принесла газеты. Гука дразнилъ ее:

— Рашка, слышала? Наборъ дѣвокъ будетъ.

Рашка повѣрила. Но не испугалась.

— Что-жъ, я пойду, — говорила она, широко ухмыляясь.

— А твои открытки? Коллекція? — спрашивалъ Мика.

Рашка покраснѣла.

— Какая такая коллекція? — задорно спросила она. — Никакой у меня нѣтъ коллекціи.

— Правда, Рашка, ты всѣ открытки наши себѣ берешь, которыя съ картинками? — спросила и Вѣрочка.

Рашка смѣялась.

— Нужны мнѣ очень ваши картинки.

Но поторопилась уйти.

А Вѣрочка принялась по обыкновенію ссориться съ Володею Балиновымъ. И не понять было, изъ-за чего.

Отецъ Леонидъ посмѣивался и мирилъ ихъ. Они говорили о религіи, какъ бы подъ вліяніемъ его присутствія. Но онъ сказалъ:

— Теперь надо заниматься не религіею, а общественными вопросами.

И это поразило ихъ.

— Батюшка, какъ же это вы такъ!

— Да ужъ я такой. Я всегда правду говорю. За то меня и архіерей не любитъ. Вечеромъ пойдете къ Козловскимъ?

— Мы въ ссорѣ.

— Пустяки! Помиритесь. Хорошіе люди не должны ссориться другъ съ другомъ.

Кратный угощалъ отца Леонида тминною наливкою.

— Вы — хозяинъ хорошій, — говорилъ священникъ.

Посмѣивался, съ видимымъ удовольствіемъ пилъ рюмку за рюмкой и становился все милѣе и добродушнѣе.

— Ужъ такіе гостепріимные хозяева, — говорилъ онъ.

Ни Кратный, ни Далія никогда хорошими хозяевами не были, и эта тминная наливка, бутылка въ рукахъ Кратнаго, казалась ему ненужною и чужою. И въ душѣ былъ горькій осадокъ отъ всей этой ненужности роковой и противорѣчивой жизни.

Вечерѣло, становилось темно. За Волгою видны были взлетающія ракеты, — у Козловскихъ были имянины. За скатами полей всходилъ багровый мѣсяцъ. Блеснула золотая зарница. Облака были похожи на синій дымъ.

— Что вамъ съ ними ссориться! — говорилъ отецъ Леонидъ. — Иванъ Петровичъ въ городѣ, Марья Павловна одна съ Алексѣемъ Иванычемъ. Имъ скучно. Право, помирились бы! Что тамъ старое помнить.

Кратные давно были знакомы съ Козловскими. Мать очень молодая. Сынъ кончалъ университетъ. Занимался филологіею. Отецъ въ Петроградѣ, пріѣзжалъ два раза въ лѣто на нѣсколько дней. Служилъ въ какомъ-то министерствѣ.

Кратные были съ Козловскими въ ссорѣ. Началось зимой, поспорили изъ-за войны. Весной помирились, лѣ-

томъ опять поссорились. На этотъ разъ изъ-за какихъ-то пустяковъ. Козловская находила неприличнымъ поведеніе одной ихъ общей знакомой, Далія заступилась за свою подругу, — и ссора вспыхнула. Теперь Далія съ возмущеніемъ разсказывала о томъ, какіе злые и мелочные люди Козловскіе.

— Сидятъ въ своемъ углу, на всѣхъ шипятъ.

И то, что она говорила о Козловскихъ, совсѣмъ не соотвѣтствовало тому представленію о нихъ, которое сложилось у Кратнаго. Кратный слабо дивился въ душѣ, но не спорилъ. Отецъ Леонидъ говорилъ:

— Это — недоразумѣніе. Они васъ любятъ и уважаютъ.

— Они никого не любятъ, обо всѣхъ дурно говорятъ, — спорила Далія.

— Вотъ ужъ это вы напрасно, — возражалъ отецъ Леонидъ, — они всѣ о васъ очень хорошо говорятъ. Неправды сказать не могу, іерейская совѣсть не позволитъ, ужъ вы мнѣ повѣрьте.

— Это они отъ хитрости, — спорила Далія, — чтобы показать, что вотъ они какіе добрые.

А сама радовалась тому, что Козловскіе говорятъ о ней хорошо.

Къ вечеру, кончивъ работу въ больницѣ, пришла фельдшерица Ульяна Ивановна съ мужемъ. И, какъ всегда, было странно, что она — бойкая, скорая и большая, а онъ — маленькій, щуплый, въ очкахъ. И они заговорили о томъ же:

— А мы къ Козловскимъ. Они насъ звали. Айда-те вмѣстѣ. То-то они рады будутъ!

Видно было, что и она, и ея мужъ очень польщены приглашеніемъ Козловскихъ. И сразу можно было догадаться, что имъ поручено непремѣнно уговорить и привести съ собою Кратныхъ.

Вѣрочка вдругъ ярко покраснѣла. Ей вспомнилось многое милое. Вспомнилась сладкая весенняя тоска, бѣлая ночь, Нева, прогулка съ молодымъ Козловскимъ. Такъ живо вспомнились его веселые глаза, которые умѣли становиться такими глубокими и задумчивыми. Захотѣлось опять увидѣть его.

— Я пойду, — сказала она рѣшительно.

Далія сказала съ кислою улыбкою:

— Какъ ты хочешь. Пожалуй, и я съ тобою.

Ульяна радовалась очень откровенно.

— Ну, вотъ, уговорила.

Стали собираться. Вѣрочка очень волновалась. Володя Балиновъ злился. Онъ зналъ, почему Вѣрочка хочетъ возобновить встрѣчи съ Николаемъ Козловскимъ.

Вѣрочка, словно не замѣчая его досады, сказала:

— Вы, Володя, конечно, съ нами?

Володя досадливо сказалъ:

— Вы съ Николаемъ Козловскимъ хотите устроить прогулку съ ведрами? Такъ надо подождать хоть до завтра.

— Фу, какъ это глупо! — закричала Вѣрочка. — Пятиэтажная глупость! Больше того, — небоскребъ глупости!

— Что за прогулка съ ведрами? — спросила Далія.

Ульяна засмѣялась, и сказала:

— Это Володя намекаетъ на то, какъ мы со Степаномъ вѣнчались. Я вамъ развѣ не разсказывала?

— Нѣтъ, — сказала Далія, — разскажите.

— Мы не хотѣли, чтобы кто-нибудь зналъ, что мы хотимъ повѣнчаться. Кому какое дѣло, вотъ еще! Развѣ у насъ много денегъ, чтобы свадьбы пировать? Ну вотъ, мы сговорились съ отцомъ Леонидомъ, пошли въ церковь просто, въ чемъ были. Даже я взяла ведра, будто за водою. А Степанъ взялъ у меня одно ведро, будто хочетъ мнѣ помочь. Ведра около церкви оставили, зашли туда, а отецъ Леонидъ ужъ насъ ждалъ тамъ. И повѣн-

чались. А потомъ домой вернулись съ ведромъ, словно за водой ходили. Докторица спрашиваетъ: вы, говоритъ, нынче вдвоемъ за водой ходили? А я ей: — мы всегда будемъ вдвоемъ ходить, потому что мы повѣнчались. — Когда повѣнчались? говоритъ. — Да вотъ, говорю, только-что изъ церкви. — Такъ она, какъ стояла на своемъ крылечкѣ, такъ и сѣла на ступеньки, — ну и штукари, говоритъ, вотъ это, говоритъ, я понимаю.

Всѣ смѣялись, Ульяна раньше и громче всѣхъ.

— Ну что же, пора итти, — сказала она. — Насъ тамъ ждутъ давно.

— Пошелъ бы и я съ вами, — говорилъ отецъ Леонидъ, — потанцовалъ бы. Да ряса мѣшаетъ. Не люблю я потому къ свѣтскимъ на вечера ходить. Сидишь долгогривою чучелою, и все кажется, что ты всѣхъ стѣсняешь.

Торопливо собрались, и всѣ ушли. Прислуга жила въ отдѣльной кухнѣ. Домъ заперли на замокъ. Старикъ сторожъ обошелъ весь домъ, притворяя деревянные ставни.

Когда уже совсѣмъ стали уходить, Далія заколебалась. Говорила:

— Шляются всякіе, покрадутъ. Паркъ не огороженъ. Сторожъ — глухой старикъ. Ставни — одна видимость.

Мальчишки успокаивали:

— Мама, чего ты боишься! Вездѣ кругомъ сосѣди.

Имъ хотѣлось итти поскорѣе.

Шли, и всю дорогу говорили о кражахъ. У Филимоновыхъ, у Анисимовыхъ. Узкая тропинка то бѣжала въ лѣсу, то выводила на полянки. Овраги попадались по пути. Вѣтеръ вѣялъ въ лицо, теплый и грустный.

Вѣрочкѣ хотѣлось бы, чтобы у Козловскихъ никого не было, Но, когда подходили къ ихъ дачѣ, слышны стали голоса, музыка, смѣхъ. Кто-то запѣлъ.

— Да у нихъ балъ, — разочарованно сказала Вѣрочка.

И вдругъ ей стало весело.

У воротъ толпились любопытные сосѣди изъ деревни. Смѣялись, завидуя и злясь.

Гости и хозяева были въ саду. Висѣли фонарики.

Николай обрадовался Вѣрочкѣ.

Его сестра, Магдалинка, почему-то была не весела.

Шумное веселье гостей казалось преувеличеннымъ.

Козловская-мать играла на піанино. Молодежь танцовала.

И вдругъ развеселая пѣсня. Озорничая, парни шли мимо. Камни полетѣли черезъ ограду. Снаружи послышался визгъ, смѣхъ, ругань. Въ саду барышни бросились бѣжать въ домъ. Молодые люди побѣжали за калитку. Козловская удерживала ихъ.

— Не троньте, сами пройдутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, парни прошли. Опять стало весело. Кратному было странно, что этотъ случай такъ быстро забылся, и никого особенно не взволновалъ.

— Мы — люди интеллигентные, — говорила Козловская, словно отвѣчая на его мысли.

Она торопливо курила тонкую папиросу. Ея глаза слегка щурились, и на лицѣ было усталое выраженіе.

— Ахъ, — говорила она, — удивляться и сердиться на каждый пустякъ не стоитъ. Люди еще не привыкли къ жизни новой, и уже отошли отъ старой. Намъ всѣмъ неловко и нелегко, и еще долго такъ будетъ.

Поднялись на верхній балконъ. Тамъ пили чай. Прозрачный полусумракъ располагалъ къ мечтамъ. А люди шумно спорили.

По Волгѣ медленно двигались огни пароходовъ. Въ ночной темнотѣ это было очень красиво. Такъ медленно продвигались. Кратный сказалъ:

— Пока еще русскіе пароходы ползутъ по этой пока еще русской рѣкѣ.

— А потомъ? — спросила Козловская.

— Потомъ? Поселятся здѣсь нѣмецкіе мужики, честные и трудолюбивые, и будетъ звучать нѣмецкая рѣчь

и въ славномъ городѣ Москау, и въ славномъ городѣ Нейгардъ-амъ-Волга.

— Какъ вы невесело шутите! — тихо сказала Козловская.

Возвращались поздно ночью въ темнотѣ слушая тревожное плесканье волнъ. Николай провожалъ до пароходной пристани.

Вѣрочка и Николай шли рядомъ. Долго не видались. И теперь стало такъ сладко. Николай сказалъ:

— Вѣрочка, мнѣ надо вамъ сказать кое-что.

И онъ разсказалъ ей, что уходитъ въ армію. Добровольцемъ. Вѣрочка вспыхнула. Заспорили, поссорились, помирились, — ахъ, много-ли надо времени!

— Вѣрочка, поймите, я иначе не могу. Развѣ можно думать только о себѣ въ такое время?

Кое-какъ помирились. И уже Вѣрочка говорила отцу:

— Папа, я пойду въ сестры милосердія.

Кратному стало грустно. Къ общей посредственности его дѣтей присоединится еще и это стремленіе пойти туда, куда всѣ идутъ, поступить по обще-одобренному образцу.

Онъ прислушивался къ ихъ разговору, и зналъ, что настроенія ихъ бодры. Во что бы то ни стало жить, — вотъ что они знаютъ и умѣютъ. И знаютъ, для чего жить.

И даже притомившіеся и дремливо шагавшіе мальчишки двигались, однако, съ привычною, безсознательною увѣренностью господъ и повелителей жизни.

Уныніе все сильнѣе охватывало Кратнаго.

Онъ тревожно прислушивался къ ихъ разговору. Ихъ знаніе было ему недоступно. Но онъ чувствовалъ, что всѣ его страхи имъ не страшны.

Вѣрочка — безхитростный ребенокъ съ неомраченною душою. Откуда же это знаніе и эта увѣренность?

Онъ вслушивался въ ихъ разговоръ, и ему очень хотѣлось подойти къ нимъ. Ему показалось вдругъ, что въ его умѣ слагаются настоящія, вѣрныя слова. Онъ нагналъ Вѣрочку и Николая, пошелъ рядомъ съ нею, сжалъ ея руку, и началъ:

— Милые мои, дорогіе!

И вдругъ смутился. Но, заглянувъ въ свою душу, онъ все-таки захотѣлъ сказать послѣднюю правду. И сказалъ:

— Все это уже не для насъ, все это привычное и милое.

— А для кого же? — спросилъ Николай.

Вѣрочка со страхомъ посмотрѣла на отца. Онъ говорилъ:

— Надо строить жизнь, новую, молодую, крѣпкую. А вы знаете, для строенія надо расчистить мѣсто. Разрушить, и уже потомъ строить.

— Мы этого не боимся, — спокойно сказалъ Николай.

Въ тишинѣ, влажной и чуткой, его голосъ звучалъ свѣжо и значительно. Кратный ласково улыбнулся.

— Знаю. Вы, вновь вступающіе въ жизнь, все это устроите.

— Да, устроимъ, — гордо сказалъ Николай.

Кратный говорилъ:

— Можетъ быть, и Россіи не будетъ, — но что же намъ печалиться? Эти ясныя звѣзды, и эта рѣка, и весь русскій пейзажъ останется. И соловей весною. И сладкая дѣвичья любовь. Все вѣчное, все завѣтное. И нашъ великій, славный, могучій, прямой, ясный и яркій языкъ. Можетъ быть, на этихъ берегахъ будетъ звучать нѣмецкая рѣчь, — но нарѣчіе наше, на которомъ написаны такія прекрасныя книги и будутъ написаны еще другія, не

менѣе прекрасныя, это нарѣчіе не забудется. Какъ изучаютъ теперь языки латинскій и греческій, такъ школьники будутъ изучать русскій языкъ, и молодые ученые будутъ вникать въ его гибкія красоты. И пока живетъ человѣчество, не забудется нашъ языкъ.

Николай слушалъ его съ удивленіемъ.

— Папочка! что ты говоришь! — горестно воскликнула Вѣрочка.

Далія засмѣялась.

— Очередной парадоксъ! — сказала она.

Ея голосъ прозвучалъ болѣе рѣзко, чѣмъ бы она хотѣла.

— Почему вы говорите, что Россіи не будетъ? — спросилъ Николай.

— Нѣтъ у насъ воли къ власти, къ государствованію, — говорилъ Кратный. — И нѣтъ воли къ войнѣ, къ побѣдѣ.

— Съ такими порядками и не можетъ быть побѣды.

— Порядки — порядками, но люди . . . Вотъ рядомъ съ Россіею — Германія. Рядомъ съ нами живетъ народъ честный и трудолюбивый, живутъ люди, которые знаютъ, чего хотятъ, и знаютъ, какъ достигать своихъ цѣлей. Что мы можемъ поставить противъ ихъ? Милліоны слабыхъ воль, зѣвотъ и потяготъ? И что порядки! Развѣ такое большое множество людей можетъ быть угнетено малымъ числомъ притѣснителей?

— Ну, механика сложная, — возразилъ Николай.

Переправились. Простились съ Николаемъ. Онъ сѣлъ въ лодку, и поѣхалъ по ту сторону. Тьма проглатывала плескъ его веселъ.

Кратные шли домой.

Плотовщики встрѣтились. Три полупьяные, озорные парня. Что-то несли въ узлѣ. Ихъ наглый смѣхъ, казалось, будилъ ночной трепетъ осинокъ.

— Пойдемъ скорѣе, — испуганно шептала Далія.

Когда подходили къ дому, Гука и Мика побѣжали впередъ. Скоро изъ темноты послышались ихъ испуганные крики.

— Воры были, — кричалъ Гука.

— Ставня сорвана, — кричалъ Мика.

Возбужденіе, почти радостное, было въ ихъ голосахъ. Приключеніе почти радовало мальчишекъ.

— Я говорила, я говорила, — сердито повторяла Далія, точно упрекая кого-то, и ея сѣрые глаза потемнѣли.

И, какъ всегда, Кратный, сбитый съ толку ея сердитымъ голосомъ, почувствовалъ себя въ первую минуту неловко, словно онъ былъ виноватъ въ чемъ-то.

Поспѣшно вошли въ домъ. Зажгли свѣчи. Обѣжали всѣ комнаты.

Воры, видно, пробыли не долго. Унесли со стола ярко-желтую, кустарную скатерть и самоваръ, кое-что изъ одежды Кратнаго.

Мальчишки выскочили въ садъ.

— Куда вы? — окликнула Далія.

— Догнать ихъ, — возбужденно и радостно кричали мальчишки. — Они далеко не успѣли уйти.

Но Далія удержала мальчишекъ.

— Нельзя, — говорила она. — Ихъ здѣсь всѣ боятся. Совсѣмъ дикіе люди. Они во всѣхъ домахъ воруютъ, и никто не смѣетъ ихъ удерживать.

— А мы удержимъ, — сказалъ было Гука.

Но пришлось остаться, — ужъ очень настойчиво закричала Далія:

— И думать не смѣйте. Сейчасъ же идите въ домъ.

— Но гдѣ же Паша? — спросила Вѣрочка. — Не убили-ли ее?

Мальчишки побѣжали за Пашею. Скоро она пришла, заспанная и тупая, зѣвая и морщась. Она, конечно, ничего не слышала.

Долго продолжались взволнованные разговоры.

Всю ночь не спали. Мальчишки побѣжали за урядникомъ. Было свѣжо и росисто, трава была мокрая и веселая. Мальчишки сняли башмаки и чулки, и оставили ихъ на скамьѣ подъ окнами маленькой дачи. Кратный, Далія и Вѣрочка легли спать.

Къ уряднику трудно было достучаться, трудно было его разбудить. Наконецъ мальчишки растолковали ему, въ чемъ дѣло.

— Сейчасъ приду, — сказалъ урядникъ.

Но по его сонному и равнодушному лицу было видно, что это сейчасъ растянется на долго. Мальчишки пробовали торопить его. Онъ угрюмо сказалъ:

— Я — не собака. Дайте чаю напиться.

Только что успѣли заснуть, пожаръ. Мальчишки, видя, что урядника не дождаться, побѣжали домой. Изъ-за деревьевъ увидѣли они дымъ и блѣдное на безмятежно-синемъ утреннемъ небѣ пламя. Мальчишки побѣжали быстрѣе, и скоро было видно, что это горитъ кухня при ихъ дачѣ.

Вѣрочка, Кратный и Далія вытаскивали что-то изъ дому. Паша стояла и выла. Изба горѣла, какъ костеръ, весело и прямо подымая надъ собою золото огня и тяжелые клочья чернаго и бѣлаго дыма.

Прибѣжали Балиновы. Сосѣди. Дача начала дымиться. Гука спросилъ у отца:

— Гдѣ твоя рукопись?

— Богъ съ нею, — сказалъ Кратный.

Мальчишки бросились спасать рукопись. Выбѣжали, когда уже крыша горѣла.

Дача сгорѣла. Мужики пришли поздно. Стояли, почесываясь и пересмѣиваясь. Когда уже дача догорала, пріѣхала пожарная вольная дружина съ фабрики.

Очевидно было, что кто-то поджогъ.

Пріютились пока у Балиновыхъ. Кратный говорилъ тихо:

— Между прочимъ, сгорѣла моя книга. Пора уѣзжать.

— Какъ же съ книгою?

Кратный пожалъ плечами, и сказалъ почти спокойно:

— Придется писать заново. Но теперь всеже меньше работы. Все уже обдумано. Года полтора понадобится.

Вѣрочка смотрѣла на отца съ удивленіемъ.

— Папочка, — сказала она, — да вѣдь мальчишки всю твою рукопись вытащили. Она цѣла, — развѣ ты не помнишь?

Кратный провелъ рукою по лбу.

— Странно, что я это забылъ, — сказалъ онъ. — У меня голова очень болитъ.

И вдругъ ему какъ-то странно стало весело. Обыкновенность его дѣтей явилась ему въ совсѣмъ новомъ освѣщеніи. Онъ думалъ:

«Я забылъ объ этомъ, потому что мальчишки сдѣлали это совсѣмъ просто, какъ дѣло очень обыкновенное. И Вѣрочка напомнила мнѣ это безъ всякаго особеннаго подчеркиванія. Простая фактическая поправка. Даже не сказала — спасли. Просто — вытащили. Что-жъ, пожалуй, эти совсѣмъ обыкновенные мальчишки, когда подрастутъ, смогутъ всякое дѣло сдѣлать, какъ простое и обыкновенное. Умретъ, можетъ быть, романтизмъ громкихъ подвиговъ, поблекнутъ торжественные лозунги, но зато будетъ строиться совсѣмъ иная, не наша, простая, прочная, по-своему счастливая жизнь. Если доживемъ, посмотримъ.»

Но теперь все же было здѣсь жутко, неуютно, чуждо. Ульяна пришла днемъ, и говорила, что въ Кобылкахъ

можно дешево нанять избу на остатокъ лѣта. Но Далія не хотѣла оставаться.

— Скорѣе, скорѣе въ городъ.

Наскоро укладывали то, что осталось отъ пожара. И всѣ эти дни были, какъ во снѣ. Балиновы тоже заторопились уѣзжать. Наталья Степановна говорила:

— Я безъ васъ здѣсь ни за что не останусь.

Уѣзжали въ одинъ день, рано утромъ. Ѣхали на дачномъ пароходикѣ до города, чтобы тамъ сѣсть въ поѣздъ.

Блѣдный фабричный, обсыпанный фарфоровою мукою, стоялъ зачѣмъ-то на пристани, и говорилъ сурово:

— Дачнички налегкѣ.

Прибѣжала Рашка. Она оживленно говорила съ дѣтьми, набравшимися на берегъ со всѣхъ окрестныхъ избъ, и злорадно смѣялась:

— Скатертью дорога.

Но, когда дачники подходили ближе, она дѣлала привѣтливое лицо, и говорила:

— Пожили бы еще немного. Погода больно хороша.

— Да и ты хороша, Рашка, — отвѣчалъ Гука.

Рашка смотрѣла на него изподлобья, не зная, смѣется онъ, говоритъ ли правду. Немного сбитая съ толку, и отъ застѣнчивости наглая, она опять принималась смѣяться.

Ей было радостно, что можно будетъ развѣсить дома по стѣнкамъ всѣ открыточки съ видами Волги и чужедальнихъ городовъ, — никто чужой теперь не увидитъ, не станетъ отнимать. А гости будутъ ей завидовать. За это лѣто открытокъ у нея набралось такъ много, что она обѣщала подѣлиться ими съ подругами.

— Пусть только они уѣдутъ, — шептала она, сверкая звѣрино-бѣлыми зубами.

И подружки, трепаныя, веселыя дѣвчонки, смотрѣли на нее жадными, заискивающими глазами, и льстили ей.

Когда уѣхали дачники, пришли фабричные и деревенскіе ребятишки, и принялись хозяйничать, какъ умѣли.

Все здѣсь было для нихъ чужое, имъ не жаль было обламывать яблони и кусты шиповника. Вокругъ дачъ росли горы мусора.

А въ городѣ у Кратныхъ начались по-прошлогоднему городскіе разговоры и толки, суета и смятеніе. Мельканіе бесѣдъ и дѣлъ, быть можетъ, и нужныхъ, — кто это оцѣнитъ? И день за днемъ, и всѣ сочтенные дни до предѣла, намъ и теперь все еще не совсѣмъ яснаго.

Колебанiе стѣнъ

Разсказъ

— Нашъ домъ — потрясучій, — говорилъ Никодимъ Борисовичъ Сковородищинъ, — мимо телѣга ѣдетъ, а онъ весь трясется.

Сковородищинъ сидѣлъ въ гостяхъ у полковника Лакиновича, и куталъ въ пледъ зябкія плечи. Онъ былъ человѣкъ маленькій и хрупкій, и служилъ въ одномъ тихомъ мѣстѣ. Хотѣли взять его въ солдаты, да въ лазаретѣ отлежался.

Всѣ гости полковника Лакиновича, и самъ Лакиновичъ (математикъ), и его жена, и его шесть дочерей (три въ очкахъ, три въ пенснэ), — всѣ были очень милые, слушали Сковородищина съ сочувствіемъ, и очень любили и жалѣли его и его жену, Евгенію Тарасовну, — она сидѣла здѣсь-же, улыбалась снисходительно, и смотрѣла на мужа, какъ большая на маленькаго. А была она такая же маленькая и хрупкая, какъ мужъ. Только она была красивая, и брови у нея лежали крутыми дужками, а Сковородищинъ красотою не хвастался, и брови у него давно уже атрофировались.

Сковородищинъ разсказывалъ:

— Мы съ Евгеніей Тарасовной ужъ стали бояться, что разрушится нашъ домъ, и задавитъ насъ какъ есть на-чисто. Архитекторъ·приходилъ, ничего, такой изъ себя солидный. Говоритъ, — непосредственной опасности нѣтъ, ничего, не сомнѣвайтесь, нѣкоторое время еще постоитъ. Я его спрашиваю: сколь долго это нѣкоторое время про-

длиться можетъ? Этого, говоритъ, знать никакъ невозможно. Съ тѣмъ и ушелъ. Мнѣ, говоритъ, некогда. А самъ, видимъ, торопится. Такъ мы и живемъ; домъ дрожитъ, и мы дрожимъ.

Шесть дочерей Лакиновича (три въ очкахъ, учительницы, и три въ пенснэ, курсистки) ахали и ужасались. Учитель словесности, недавно потерявшій мѣсто въ казенной гимназіи за то, что его ученики знали больше, чѣмъ положено по программѣ, переводилъ слова Сковородищина на французскій языкъ для своей жены, француженки. Француженка понимала русскую рѣчь Сковородищина такъ же хорошо (она жила въ Россіи шесть лѣтъ, и сама дѣлала покупки), какъ и французскую рѣчь мужа (онъ прожилъ въ Парижѣ шесть недѣль, и никуда шага не ступилъ безъ Анріетты), но на всякій случай привѣтливо улыбалась.

Евгенія Тарасовна сказала, ласково глядя на мужа:

— Вы, Никодимъ Борисовичъ, преувеличиваете. Если бы опасность была, были бы трещины.

— Вѣрно, Евгенія Тарасовна, — соглашался Сковородищинъ, — только тѣмъ и утѣшаюсь, что пока еще нѣтъ трещинъ. Зато кошмары у меня каждую ночь.

— Да и на-яву не лучше кошмара, — говорила Евгенія Тарасовна, — у насъ сегодня прислуга ушла.

— Это — ваша Ольга Дмитріевна? — спросила хозяйка. — Да она же такая солидная была.

— Получила подарки, на чай отъ нашихъ гостей, деньжонки набрались, ну, ей и захотѣлось отдохнуть, — объясняла Евгенія Тарасовна. — Очень хорошая была, такая честная. Новую не знаемъ гдѣ найти, изъ конторы брать не хочу, да и по объявленіямъ боюсь, — нападешь, не дай Богъ, на воровку.

И всѣ сочувствовали трудному положенію Сковородищиныхъ. Поэтому главною темою разговоровъ въ тотъ

вечеръ были неудобства и затрудненія современной жизни, дороговизна, прислуга, хвосты.

Пріѣхали Сковородищины домой, съ Выборгской стороны на Васильевскій Островъ, на послѣднемъ трамваѣ. Швейцаръ ворчалъ, Евгенія Тарасовна на это обижалась, Сковородищинъ горбился, кутаясь въ старенькую шубу. Все унималъ шопотомъ Евгенію Тарасовну:

— Вы ему ничего не говорите, Евгенія Тарасовна. Онъ — хорошій, только ему спать хочется, а мы его разбудили.

Поднялись въ шестой этажъ на лифтѣ, и тутъ только хватились ключа. Ключъ французскій, дверь захлопнулась сама, когда уходили, а теперь какъ попасть? Прислуга ушла, дверь за нею закрыли на ключъ и на крюкъ, ключъ оставили въ кухнѣ на столѣ. Въ квартирѣ никого.

Напрасно Сковородищинъ шарилъ по всѣмъ карманамъ, напрасно перебиралъ онъ бумажонки, напиханныя во всѣ отдѣленія кошелька, — ключа не было. И вдругъ на лѣстницѣ стало темно, — кабинка лифта опустилась внизъ, и швейцаръ, сообразивъ, что успѣли войти, выключилъ токъ. Въ это время гдѣ-то проѣхалъ, гудя, автомобиль, и домъ испуганно задрожалъ.

Евгенія Тарасовна жаловалась слезливымъ голоскомъ:

— Вотъ вы такъ всегда, Никодимъ Борисовичъ. Я-то и на лѣстницѣ могу проспать, а вотъ вы съ вашимъ желудкомъ, — что вы станете дѣлать?

Но Сковородищинъ пришелъ въ ужасъ при мысли, что Евгенія Тарасовна ляжетъ спать на лѣстничной площадкѣ. Онъ въ ужасѣ зашепталъ, горбясь и глядя въ темноту безполезно-расширенными глазами:

— Что вы, что вы, Евгенія Тарасовна! Нѣтъ, ужъ мы какъ-нибудь попадемъ.

И онъ принялся отчаянно нажимать пуговку электрическаго звонка. Слышно стало, какъ заливается за дверью колокольчикъ. Евгенія Тарасовна тронула его за рукавъ, и зашептала:

— Что вы дѣлаете, Никодимъ Борисовичъ? Вѣдь тамъ же никого нѣтъ! Только электричество зря изводите.

Сковородищинъ нерестаҡъ звонить, и сказалъ смиренно и робко:

— Голова кругомъ пошла! Евгенія Тарасовна, вы здѣсь посидите на ступенькѣ, я пойду къ дворнику, у него долженъ быть другой ключъ съ чернаго хода, я войду, и вамъ открою

— Дворникъ не станетъ вамъ ночью ключъ искать, — отвѣчала Евгенія Тарасовна. — Только наговоритъ вамъ всякихъ непріятностей.

По тому, что голосъ ея звучалъ немного снизу, Сковородищинъ догадался, что Евгенія Тарасовна уже сѣла на ступеньку. Это нѣсколько пріободрило его. Онъ сказалъ:

— Ничего, Евгенія Тарасовна, ужъ я какъ-нибудь попрошу. Можетъ быть, и найдетъ.

Послышались мелкіе шаги его, сбѣгавшіе внизъ. Евгенія Тарасовна прислонилась къ стѣнѣ, и прислушивалась. Одна лѣстница, площадка, другая лѣстница, площадка, третья. . . Вдругъ пріостановился. Что это? никакъ назадъ возвращается?

И вотъ слышенъ его встревоженный шопотъ:

— Евгенія Тарасовна, не остался-ли ключъ въ вашей сумочкѣ?

— Что вы, Никодимъ Борисовичъ! — отвѣчаетъ укоризненно Евгенія Тарасовна, — я вамъ отдала его, какъ только пришла. Вотъ вы всегда такъ, — сами куда-нибудь засунете, а потомъ съ меня спрашиваете.

Сковородищинъ вздыхаетъ, и идетъ внизъ, а Евгенія Тарасовна сидитъ, чувствуетъ порою, какъ въ плечѣ отдается легонькое колебаніе стѣны, и прислушивается къ нисходящимъ шагамъ. И слышитъ, — четыре лѣстницы прошелъ Никодимъ Борисовичъ, на четвертой площадкѣ постоялъ, вверхъ пошелъ. Ждетъ Евгенія Тарасовна, — что еще?

— Евгенія Тарасовна, — шепчетъ Сковородищинъ, — дверь въ кухнѣ мы съ вами на крюкъ заложили. Не попасть туда снаружи, и дворника безпокоить нечего, — онъ разсердится, а мы все равно не попадемъ.

— Что же намъ дѣлать? — спрашиваетъ Евгенія Тарасовна.

Въ темнотѣ ничего не видно, но Сковородищинъ представляетъ ясно, какъ Евгенія Тарасовна сидитъ на ступенькѣ, маленькая, худенькая, жмется къ вздрагивающей стѣнкѣ, собирается плакать. Тоскливо Сковородищину, онъ не знаетъ, что дѣлать, и какъ ему попасть въ свою квартиру.

— Евгенія Тарасовна, — шепчетъ онъ, — я пойду, поищу слесаря, пусть замокъ взломаетъ.

— Не пойдетъ ночью слесарь, — отвѣчаетъ Евгенія Тарасовна.

И самъ Сковородищинъ знаетъ, что ночью не найти слесаря. Что-же дѣлать? Отчаянныя мысли шевелятся въ его головѣ. Онъ думаетъ, что стѣна можетъ обрушиться, и тогда они какъ-нибудь пролѣзутъ въ квартиру. А вдругъ ихъ задавитъ! Ну что же, одинъ конецъ. Но ему жаль Евгенію Тарасовну, и онъ ищетъ другого выхода.

— Евгенія Тарасовна, — шепчетъ онъ, — поѣдемте къ Лакиновичу.

— Зачѣмъ? — безнадежнымъ голосомъ спрашиваетъ Евгенія Тарасовна.

— Вы тамъ переночуете на диванѣ въ гостиной, а я похожу по улицамъ, — шепчетъ Сковородищинъ.

Слышно въ темнотѣ, какъ Евгенія Тарасовна тихонько смѣется хрупкимъ смѣхомъ, словно всхлипываетъ. И потомъ она говоритъ, — и въ голосѣ ея не то смѣхъ, не то слезы, не то просто простуда:

— Что вы, Никодимъ Борисовичъ, вамъ съ вашимъ желудкомъ беречься надобно. Да и какъ мы доѣдемъ? Трамвая нѣтъ, извозчика не достать, извозчикъ три рубля возьметъ.

— Все равно, и три рубля дадимъ, — отчаянно говоритъ Сковородищинъ, махая рукою. — Спроситъ четыре, и. четыре дадимъ, ничего не сдѣлаешь. А я пойду къ Рвищеву, у него переночую.

Живетъ Лакиновичъ на Выборгской, а Рвищевъ у Калинкина моста. Далеко, не согласна такъ Евгенія Тарасовна. Какъ же быть?

Думали, думали, надумали итти къ генералу Дороганову. Съ генераломъ мало знакомы, но онъ человѣкъ добрый, пуститъ, а живетъ онъ близко, въ этомъ же домѣ, только подъѣздъ у генерала съ улицы. Жаль, конечно, что ужъ не случилось такъ, чтобы генералъ жилъ тутъ же, на этой же лѣстницѣ, — опять придется безпокоить и швейцара, и дворника. Да вѣдь что-жъ дѣлать!

Евгенія Тарасовна шепчетъ:

— Никодимъ Борисовичъ, вы дайте имъ на чай по полтинику, а генеральскому — рубль.

А ужъ у Сковородищина деньги тутъ, приготовлены. Всегда носитъ мелочь въ скрытыхъ кармашкахъ шубы и пиджака, и знаетъ, откуда что вынимать.

Ну, на ночь кое-какъ устроились. Генералъ ужъ спалъ, — военная косточка, рано встаетъ, рано ложится, и генеральша спала, да генералова дочка, Вѣра Аркадьевна, еще не спала, дневникъ дописывала; она и устроила Сковородищиныхъ, — въ родителей, добрая дѣвица. И умная, и веселая.

Постлали Сковородищинымъ въ столовой, ему на тахтѣ, а ей на диванѣ. На новомъ мѣстѣ не спалось Сковородищину. Ночью не спалось отъ думъ, а подъ утро стали мимо проноситься трамваи, грузовики, телѣги, — гулъ на улицѣ сквозь окна слышенъ, и колебаніе стѣнъ пугаетъ.

Евгенія Тарасовна, слыша, что Сковородищинъ лежитъ тихо, и дыханія не слышно, время отъ времени спрашивала тихонько:

— Никодимъ Борисовичъ, вы не спите?

— Нѣтъ, Евгенія Тарасовна, — отвѣчалъ онъ, — не сплю. Все думаю.

— Что же вы думаете, Никодимъ Борисовичъ?

— Думаю, какъ намъ попасть въ квартиру. Придется дверь ломать, иначе ничего не подѣлаешь.

— Да вы не думайте, Никодимъ Борисовичъ, — шептала Евгенія Тарасовна. — Спите съ Богомъ. Какъ-нибудь обойдется.

— Да какъ обойдется-то, Евгенія Тарасовна?

— Въ крайнемъ случаѣ, Никодимъ Борисовичъ, поѣдемте къ маменькѣ въ Полтаву.

— Нельзя безъ паспорта, Евгенія Тарасовна, а паспортъ въ квартирѣ. Всегда съ собой ношу, а сегодня топилъ печку, нагнулся, онъ у меня изъ кармана выпалъ, я его положилъ въ письменный столъ, да и забылъ.

Евгенія Тарасовна вздыхала и говорила:

— Перебудимъ мы всѣхъ своими разговорами. Спите себѣ, Никодимъ Борисовичъ.

Утромъ встали рано, раньше хозяевъ, хотѣли уйти потихоньку, не безпокоить. Да горничная Серафима, добрая душа, безъ чаю не отпустила. Пока чай пили, барышня встала, пришла. Молоденькая, смѣется. Имъ горе, а ей смѣшно, веселая дѣвица, быстроглазая, рыженькая, на лисичку похожа. Смѣется и говоритъ:

— А ключъ-то не съ вами-ли?

А Сковородищинъ и самъ такъ думалъ. Ночью, перебирая всѣ обстоятельства, онъ вспомнилъ, что вчера ключъ навѣрное остался у Евгеніи Тарасовны. Вчера былъ праздникъ, третій день Рождества. Сковородищинъ на службу не ходилъ, сидѣлъ дома, лѣчился да разбиралъ свои гравюры, — любитель былъ, ходилъ по старьевщикамъ, выбиралъ, покупалъ, собралъ большую коллекцію.

Евгенія Тарасовна ходила къ знакомымъ спросить насчетъ прислуги, пришла передъ обѣдомъ, сама дверь открыла, ключа ему не отдавала, не могъ вспомнить Сковородищинъ, чтобы она отдала ему ключъ. А потомъ не до того было, — прислуга Ольга Дмитріевна, солидная женщина, хорошая, подавши обѣдъ, ушла, и посуды не прибрала, не помыла: на поѣздъ торопилась, не опоздать бы, лучше раньше на вокзалъ пріѣхать. Самимъ пришлось все это дѣлать, — мыть, прибирать.

Сталъ хитрить Сковородищинъ, говоритъ:

— Евгенія Тарасовна, что-то мнѣ припоминается, передъ тѣмъ, какъ итти къ Лакиновичамъ, будто я ключъ въ вашъ кошелекъ положилъ, въ сумочку. Самъ не знаю, съ чего это мнѣ вздумалось. Думаю, — у меня въ карманахъ всякой ерунды да чепухи насовано, а у Евгеніи Тарасовны все въ порядкѣ, вѣрнѣе будетъ.

— Что же вы раньше не сказали, Никодимъ Борисовичъ! — упрекнула его Евгенія Тарасовна. — Ну, посмотримъ.

Такъ и вышло, — ключъ въ сумочкѣ, въ кошелькѣ. Вѣра Аркадьевна, генералова дочка, смѣется. И Сковородищинъ радъ, что ключъ нашелся, а больше радъ, что Евгенія Тарасовна не сердится. Правда, ворчитъ:

— Вотъ вы такъ всегда, Никодимъ Борисовичъ, сами сунете куда-нибудь, а потомъ съ меня спрашиваете.

Ну, да вѣдь безъ этого нельзя.

— Вотъ вѣдь ерунда какая вышла! — смущенно и радостно говоритъ Сковородищинъ. — Только васъ побезпокоили напрасно.

— Ну вотъ, — отвѣчаетъ Вѣра Аркадьевна, — Какое же безпокойство! Я очень рада, что такъ все хорошо кончилось.

Поблагодарили, попрощались, ушли. А вотъ дома опять стало неуютно и жутко. Холодно, — печи не топ-

лены. Дровъ на кухнѣ нѣтъ. Часовъ въ одиннадцать только притащилъ дворникъ дрова, свалилъ въ кухнѣ на полъ. Такъ грохнулъ, — вся мебель въ квартирѣ заходила, и гравюры въ рамочкахъ на стѣнахъ закачались. Просто бѣда, — сердится, что-ли, на что младшій? Далъ ему Сковородищинъ на чай полтинникъ, — онъ сунулъ въ карманъ, и не взглянулъ.

Сталъ Сковородищинъ таскать дрова въ печи, печи топить, — много муки было съ дровами, сырыя. Напихаетъ Сковородищинъ въ печку для растопки бумаги, щепокъ, лучины, бересты, — запылаетъ, затрещитъ, — ну вотъ, затопилъ. А черезъ пять минутъ подошелъ, — погасло, начинай сначала.

Евгенія Тарасовна принялась стряпать, — утромъ, возвращаясь отъ генерала, принесли кое-что.

На службу Сковородищинъ не пошелъ, по телефону отпросился. Ничего, Левъ Петровичъ не разсердился, даже посочувствовалъ. Говорилъ:

— Хотя я безъ васъ какъ безъ рукъ, ну да ужъ сегодня кое-какъ обойдусь. Иванъ Гавриловичъ васъ пока замѣнитъ.

Еще бы не замѣнить! Иванъ Гавриловичъ не прочь и совсѣмъ замѣнить Сковородищина, — тоже хорошій работникъ. Нѣтъ, дома долго засиживаться нельзя.

Труденъ былъ этотъ день Сковородищину. Пиджачекъ испачкалъ, самъ утомился. Евгенія Тарасовна тоже устала. Позавтракали въ три часа чѣмъ Богъ послалъ. Обѣдъ какъ варить, подумать страшно.

Сидѣли въ кабинетѣ Сковородищина, пригорюнившись. Вдругъ раздался звонокъ съ парадной.

— Кого Богъ даетъ? — спросилъ Сковородищинъ.

— Кого-то чортъ принесъ, — въ ту же минуту сказала Евгенія Тарасовна. — Вотъ ужъ не въ пору-то!

Пошелъ Сковородищинъ отворять, и черезъ минуту услышала Евгенія Тарасовна знакомый голосъ. Курсистка Фимочка Кочанова. Ну, на такую не разсердишься, милая дѣвушка. Правда, очень бойкая, но добрая, и занятія свои любитъ, и поговорить съ нею о чемъ хочешь можно, — не сплетница, не выдастъ. А если и невпопадъ придетъ, можно ей прямо сказать:

— Некогда, Фимочка, ужъ вы лучше другой разъ придите.

Не обидится.

Такъ и теперь хотѣла повернуть Евгенія Тарасовна. Очень мило встрѣтила гостью, расцѣловала ее, и говоритъ:

— Ахъ, милая Фимочка, рада я вамъ, а только такое у насъ дѣло, — даже чаемъ угостить не знаю какъ.

— Знаю, — сказала Фимочка, — у васъ прислуга Ольга Дмитріевна ушла. Мнѣ Вѣра Аркадьевна сказала. Это ничего, я вамъ помогу.

Развернула принесенный съ собою сверточекъ, надѣла бѣлый передничекъ, смѣется. Сама румяная-румяная, не то съ мороза, не то съ молоду да съ веселу. И такъ была милая, чернобровая, черноглазая, стройная, тонкая, а въ бѣломъ передничкѣ вдвое милѣе стала. Спрашиваетъ:

— Что готовить къ обѣду, Евгенія Тарасовна?

Какъ ни отнѣкивались Сковородищины, Фимочка все сдѣлала, что надо было. Комнаты убрала, пыль съ мебели смахнула, полы подмела, на столъ накрыла, супъ сварила, — изъ крупъ, французскій, — рыбу на второе, на третье компотъ, — обѣдъ подала, и кофе заварила.

И Евгенія Тарасовна, и Никодимъ Борисовичъ были умилены и растроганы. Ходили за Фимочкою, пытались

что-то дѣлать, и только мѣшали. Ужъ она имъ не разъ говорила, смѣючись:

— Да сидите вы, ради Бога, безъ васъ все сдѣлаю.

Послѣ обѣда всѣ втроемъ сидѣли и пили кофе, и ужъ такъ ободрились и развеселились, что даже разсмѣялись, когда отъ промчавшагося по улицѣ грузовика на подносѣ задребезжали чашки. Фимочка спросила:

— Все хорошо?

— Ужъ такъ вамъ благодарны, что и сказать нельзя, — отозвалась Евгенія Тарасовна.

— Ужъ такъ хорошо, точно въ рай попали, — поддержалъ и Никодимъ Борисовичъ.

— Значитъ, вы мною довольны? — опять спросила Фимочка.

— Да ужъ Господи, да ужъ такъ довольны! — восклицалъ Сковородищинъ.

А Евгенія Тарасовна отъ полноты чувствъ встала и принялась цѣловать Фимочку. Фимочка звонко засмѣялась.

— Ну, вотъ и хорошо, — сказала она. — Значитъ, паспортъ я сейчасъ отнесу старшему, пусть завтра пропишетъ, а сама кстати и за вещами съѣзжу. Черезъ часъ буду опять здѣсь.

Оба, мужъ и жена, смотрѣли на нее съ удивленіемъ. Фимочка расхохоталась.

— Ну, что-жъ, — сказала она, нахохотавшись, — была у васъ прислуга Ольга Дмитріевна, теперь будетъ сотрудница Фимочка. Вы не сомнѣвайтесь, я и все сдѣлать успѣю, и на курсы найду время. Да, Боже ты мой! да чему же тутъ удивляться! Почему нельзя курсисткѣ за столъ и комнату быть сотрудницею въ приличномъ семействѣ?

— Сотрудницею! — раздумчиво сказалъ Сковородищинъ. — Вотъ это хорошее слово.

— Настоящее слово, — увѣренно сказала Фимочка.

Одѣлась и ушла. Сковородищины посмотрѣли другъ на друга.

— Пришла дѣвицѣ блажная фантазія, — сказалъ Сковородищинъ, осторожно посматривая на Евгенію Тарасовну. — Что мы теперь съ нею будемъ дѣлать?

— Никодимъ Борисовичъ, она — милая, — возразила Евгенія Тарасовна, — и она вошла въ наше положеніе. Поживемъ, увидимъ. Можетъ быть, скоро всѣ наши Даши и Паши пойдутъ на фабрики да на заводы, а у насъ будутъ сотрудницами учащіяся барышни. На фабрикахъ хорошо платятъ, а барышнѣ у плиты удобнѣе, чѣмъ на фабрикѣ.

— Да, Фимочка — милая, — согласился Никодимъ Борисовичъ.

Скоро Фимочка вернулась со своими вещами. Устроилась въ той по корридорчику между столовою и кухнею комнатѣ, которая носила названіе ледника, потому что ее, за ненадобностью, не топили. Фимочка сама вытопила печку. Ночью было ей не тепло, — сразу не натопишь, настыла очень, — но это ея хорошаго настроенія не испортило.

Черезъ нѣсколько дней Сковородищины опять были въ гостяхъ у Лакиновичей. Поѣхали на трамваѣ вмѣстѣ съ Фимочкой. На трамваѣ, извѣстное дѣло, ихъ потолкали и поругали. Двадцать два дюжіе мужика сидѣли на скамейкахъ, посреди вагона стояли дѣвушки, дамы, старики. Мужикъ, не попавшій на скамейку, держался одною рукою за лямку, другою за плечо стоявшей впереди Фимочки, и при каждомъ толчкѣ вагона топталъ калоши Евгеніи Тарасовны. Она сказала:

— Вы мои ноги давите.

Онъ крикнулъ:

— А вы бы въ автомобиль сѣли. Шляпку надѣнетъ, думаетъ, ей всѣ права дадены.

Другіе мужики хохотали.

Сковородищинъ вступился было за жену, но она зашептала опасливо:

— Никодимъ Борисовичъ, оставьте его. Еще онъ скандалъ подниметъ.

Кое-какъ доѣхали. Лакиновичъ (педагогъ, математикъ), его жена (съ заботами о женахъ запасныхъ) и его шесть дочерей (три въ очкахъ, учительницы русскаго языка и литературы, и три въ пенснэ, курсистки на историко-филологическомъ отдѣленіи) очень интересовались новымъ домашнимъ устройствомъ у Сковородищиныхъ. Очень хвалили Фимочку, и очень удивлялись ей. Не совсѣмъ понимали, прилично это барышнѣ, или нѣтъ. Фимочка весело смѣялась.

Въ остальномъ все было совсѣмъ обыкновенно и были почти тѣ же гости, что и тогда. Изъ новыхъ былъ поэтъ въ косовороткѣ и въ поддевкѣ. Онъ прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Въ нихъ было много словъ, совсѣмъ непонятныхъ для русскаго городского жителя. Но филологички (всѣ шесть) были въ восторгѣ.

Когда сѣли пить чай въ уютной столовой, за столомъ тѣснились веселые гости и любезныя гостьи, — господа. На столѣ шумѣлъ самоваръ, блестѣла красивая чайная посуда, очень аппетитно были разложены и разставлены печенья, булочки, сыръ, варенье. Одна изъ филологичекъ разливала чай. Двѣ горничныя, — прислуга, — очень выдержанныя, чинныя, спокойныя, одѣтыя просто, чисто и прилично, блистающія бѣлизною передниковъ, разносили чай. У нихъ былъ такой видъ, точно онѣ — рабыни,

преданныя господамъ, и высшее счастіе для нихъ въ томъ, чтобы разносить стаканы и чашки.

Господа, — хозяева, гости, гостьи, — разговаривали о своемъ, негодовали и радовались, хмурились и смѣялись. Двѣ горничныя, — прислуга, — дѣлали видъ, что не слышатъ барскихъ разговоровъ, и хранили на лицахъ выраженіе почтительнаго вниманія.

Фимочка, которой было все равно, самой-ли наливать себѣ чай или брать его изъ рукъ горничной, смѣялась веселѣе всѣхъ.

Самосожженіе зла

Новелла

Этотъ правдивый, простодушный разсказъ извлеченъ мною изъ одной старой, милой книжки, гдѣ много содержится нравоучительныхъ и забавныхъ исторій и повѣстей, приключеній веселыхъ, печальныхъ, смѣшныхъ и удивительныхъ. Показалось мнѣ почему-то, что то происшествіе, которое я собираюсь пересказать, въ отдаленныхъ подобіяхъ прообразуетъ душу вѣка сего. Впрочемъ, длинныя предисловія излишни.

Андалузскій дворянинъ изъ знатной семьи, донъ Родригъ де Инестросъ, человѣкъ заносчивый, грубый и жестокій, окончилъ военную службу тѣмъ, что поссорился со своимъ генераломъ, и поселился въ приморскомъ городѣ Санлукаръ де Баррамеда, лежащемъ близъ того мѣста, гдѣ очаровательный, хотя и мутный, Гвадалквивиръ, широко разливаясь, впадаетъ въ море. Въ этомъ городѣ донъ Родригъ женился на благородной дѣвицѣ отмѣнно-добраго и пріятнаго нрава. Огорчаемая часто невниманіемъ, грубостью и кутежами дона Родрига, донна Маріанна умерла въ молодыхъ еще годахъ, оставивъ мужу двоихъ дѣтей, сына и дочь, столь же несходныхъ нравомъ, сколь несходны были между собою ихъ родители. Сынъ, донъ Хоакинъ, былъ весь въ отца, и отецъ весьма любилъ его. Дочь, донна Лаура, была въ мать и красотою, и тихою прелестью души. Отецъ ее ненавидѣлъ, былъ съ нею жестокъ, и наконецъ, чтобы все свое имѣніе оставить любимому сыну, рѣшилъ отдать юную Лауру въ монастырь.

Лаура отличалась не только красотою, но и умомъ и скромностью. Она хорошо пѣла, знала много пѣсенъ и романсовъ, и съ большимъ искусствомъ играла на клавикордахъ. За умъ и скромность Ла́ура была почитаема въ лучшихъ городскихъ семьяхъ, и многіе юноши и почтенные мужи почли бы за счастіе назвать ее женою. Но донъ Родригъ упрямо отказывалъ всѣмъ, кто къ ней сватался. Онъ говорилъ:

— Дочь моя имѣетъ склонность къ уединенію. Свѣтская жизнь ей не нравится, и Лаура уже давно просится въ монастырь.

Но семнадцатилѣтняя Лаура о монастырѣ помышляла со страхомъ и съ отвращеніемъ. Ея прирожденная скромность только увеличивала естественную въ дѣвицѣ этого возраста чувствительность, и мечты ея, не стремясь къ свѣтскимъ вольнымъ обхожденіямъ, создавали ей идиллическія картины любви и счастія.

Донъ Габріель Ромеро, молодой дворянинъ изъ Гренады, еще съ дѣтскихъ лѣтъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ переселившійся въ Санлукаръ, при первой же встрѣчѣ полюбилъ Лауру. Онъ зналъ жестокость ея отца, но любовь всегда живетъ свѣтлыми надеждами. Габріель былъ красивъ и строенъ, въ обращеніи любезенъ и пріятенъ. Въ манерахъ его сказывалось, что онъ получилъ отмѣнно-хорошее воспитаніе. Притомъ же отъ недавно умершаго отца онъ наслѣдовалъ большое состояніе, и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ той мѣстности. Все это внушало Габріелю увѣренность въ томъ, что онъ будетъ счастливѣе другихъ. Но онъ ошибся. Донъ Родригъ отвѣтилъ ему такимъ же холоднымъ и краткимъ отказомъ.

Лаурина дуэнья, старая Мерседесъ, видя слезы Лаурины, вздумала было, улучивъ добрый мигъ, замолвить передъ дономъ Родригомъ слово за Габріеля. Но донъ Родригъ сказалъ ей рѣзко:

— Твоихъ совѣтовъ, старая, никому не надо. Твое дѣло — смотрѣть за Лаурою. Отецъ этого мальчишки вышелъ въ люди изъ землепашцевъ, въ его домѣ еще слишкомъ пахнетъ маслинами, а мой родъ древній, и я съ этими людьми породниться не желаю.

Узнавъ о томъ, что донъ Родригъ отказалъ Габріелю, много плакала бѣдная Лаура. Жалѣя свою питомицу, старая Мерседесъ нашла случай повидать Габріеля. Она ему сказала:

— Не думайте, донъ Габріель, что Лаура хочетъ въ монастырь. То — воля ея отца. Онъ хочетъ, чтобы донъ Хоакинъ былъ богатъ, а потому и старается устроить такъ, чтобы дочери не пришлось выдѣлять приданое.

— Если Лаура любитъ меня, — сказалъ Габріель, — я женюсь на ней и безъ согласія ея отца.

— Донъ Родригъ прогнѣвается и лишитъ ее наслѣдства, — сказала Мерседесъ.

— А и не надо мнѣ его богатства, — отвѣчалъ Габріель, — своего довольно.

И, не долго думая, написалъ письмо, и умолилъ старую Мерседесъ передать его Лаурѣ. Онъ писалъ:

«Лаура, дерзко и безразсудно мнѣ говорить Вамъ о моей любви, потому, что никто въ Испаніи и за ея предѣлами не можетъ быть достойнымъ Васъ. Но если самая живая страсть и самое нѣжное обожаніе могутъ заслужить Ваше вниманіе, то я надѣюсь, что Вы не пренебрежете моею къ Вамъ страстью и моимъ обожаніемъ, которыя безмѣрны. Прежде, чѣмъ писать Вамъ, я спрашивалъ дона Родрига, и услышалъ отъ него, что Вы намѣрены итти въ монастырь. Трудно мнѣ было повѣрить, что таково дѣйствительно Ваше рѣшеніе, и потому дерзаю спросить Васъ. Если справедливо мое подозрѣніе, что дома Вы угнетены, то позвольте мнѣ избавить Васъ отъ деспотической власти, тяготѣющей надъ Вами. Не бойтесь, что отецъ Вашъ будетъ гнѣваться. Онъ лишитъ

Васъ наслѣдства, но это не должно страшить Васъ. Поймите, что власть отца не безпредѣльна, и лучше однажды нарушить долгъ повиновенія, чѣмъ быть несчастною на всю жизнь. Вашъ отвѣтъ Вы можете передать въ тѣ же руки, которыя отдадутъ Вамъ это мое письмо.»

Подписи не было, — Мерседесъ на словахъ сообщила, отъ кого письмо.

— Что же мнѣ дѣлать, милая Мерседесъ? — спрашивала Лаура, много разъ прочитавши письмо. — Мнѣ страшно и подумать о томъ, чтобы уйти изъ родительскаго дома самовольно.

— А въ монастырь хочешь? — спросила Мерседесъ.

Лаура задрожала и воскликнула:

— И подумать страшно и противно! Все равно, что живой въ гробъ лечь.

Мерседесъ принялась расхваливать достоинства Габріеля, его красоту, мужество, великодушіе, щедрость, богатство, пышное убранство его дома. Лаура слушала ее внимательно, глаза Лаурины сверкали, и смуглыя щеки ярко рдѣли.

— Если пропустишь этотъ случай избавиться отъ неволи, — говорила Мерседесъ, — то уже не избѣгнешь монастыря.

— Какъ же мнѣ быть? — спрашивала ее взволнованная Лаура.

Мерседесъ отвѣчала:

— Надобно тебѣ тайно повидаться съ дономъ Габріелемъ, и сговориться съ нимъ.

Долго не рѣшалась ни на что Лаура. Наконецъ, понуждаемая старою Мерседесъ, трепеща и замирая отъ страха и отъ стыда, сѣла она писать письмо. Ничего не говоря о своихъ чувствахъ, назначила она для свиданія слѣдующую ночь.

Надобно ли описывать, въ какомъ восторгѣ былъ Габріель, какъ съ наступленіемъ темноты нетерпѣливо при-

слушивался онъ къ бою часовъ на колокольнѣ ближней церкви святого апостола Іакова? Наконецъ сладостный срокъ насталъ.

Въ самую полночь пришелъ Габріель подъ окно Лауриной комнаты, выходившее на глухой переулокъ. Тамъ уже ожидала его Лаурина дѣвушка, стоя у перекрестка, закутанная въ черный платокъ, съ цвѣтомъ ночи сливающійся. Въ темнотѣ едва только видны были ея черные, широкіе отъ страха глаза, да босыя ноги изъ-подъ черной юбки смутно бѣлѣли на крупныхъ, плоскихъ камняхъ, которыми вымощенъ былъ узкій переулокъ. Дѣвушка подвела Габріеля къ завѣтному окну, слегка стукнула въ ставень, и стала на стражѣ снаружи, межъ тѣмъ, какъ Мерседесъ стерегла внутри дома у двери Лауриной горницы.

Трепещущая Лаура показалась въ окнѣ. Многое нашли влюбленные, что сказать другъ другу. Быстро прошелъ часъ свиданія, жуткій, но столь пріятный для обоихъ, что они пожелали повторить его.

Неоднократно приходилъ Габріель въ полночь къ окну Лауриной горницы. Наконецъ Габріель и Лаура дали другъ другу обѣщаніе соединиться бракомъ, и съ тѣхъ поръ считали себя соединенными навѣки. Но Лаура все никакъ не могла рѣшиться на то, чтобы Габріель увезъ ее изъ родительскаго дома. Она еще не совсѣмъ вѣрила тому, что отецъ захочетъ насильно отдать ее въ монастырь, и надѣялась упросить отца, чтобы онъ согласился повѣнчать ее съ Габріелемъ.

Межъ тѣмъ надъ головами безпечныхъ влюбленныхъ собиралась гроза.

Габріель прежде, чѣмъ познакомиться съ Лаурою, имѣлъ связь съ молодою дѣвицею, Хименою Папельясъ. Химена, не имѣя ни отца, ни матери, была свободна въ своихъ поступкахъ, и не стѣснялась пользоваться этою свободою. Она часто принимала Габріеля. Любовь къ Лаурѣ заставила Габріеля позабыть свою прежнюю любов-

ницу. Ревность и корысть одинаково озлобляли пренебреженную Химену: она не была богата, и Габріель давалъ ей много денегъ, когда ходилъ къ ней. Теперь же прекратились посѣщенія, прекратились и подарки. Химена велѣла своей служанкѣ выслѣдить Габріеля.

Узнавъ, что Габріель имѣетъ свиданія съ Лаурою, Химена поняла, что Габріель хочетъ жениться на Лаурѣ: добродѣтели и скромность Лауры были достаточно извѣстны, чтобы можно было подозрѣвать мимолетную связь. Химена рѣшилась разстроить этотъ бракъ, чего бы это ей ни стоило. Случай, счастье злыхъ, ей, казалось, благопріятствовалъ.

Хоакинъ часто посѣщалъ нѣкую донну Мигуеллу Ордонесъ, дочь которой, пріятельница Химены, красавица Конча, была воспитана съ большою вольностью.

— Милая Конча, — сказала однажды Химена своей пріятельницѣ, — когда у тебя будетъ донъ Хоакинъ, позови меня.

Конча согласилась. Она еще не знала, что Габріель оставилъ Химену, и потому не опасалась ея соперничества.

И вотъ въ ближайшій день Хоакинъ встрѣтился у своихъ пріятельницъ съ Хименою. Было весело, вино было очень хорошее, Конча и Химена соперничали въ пѣніи пѣсенокъ вольныхъ и чувствительныхъ. Наконецъ, зашелъ разговоръ о томъ, что молодымъ дѣвицамъ слѣдуетъ поскорѣе выходить замужъ, чтобы любовная страсть не заразила ихъ сердецъ.

— А ваша сестра? — спросила Химена. — Отчего же она не выходитъ замужъ?

— Лаура собирается въ монастырь, — отвѣчалъ Хоакинъ.

Химена засмѣялась и сказала:

— А вы не думаете, что ваша сестра имѣетъ милаго и видится съ нимъ?

— Этого не можетъ быть, — отвѣчалъ Хоакинъ.

— Химена, откуда ты можешь это знать? — спросила удивленная Конча.

Она ничего не знала о замыслахъ Химены, и дразнить Хоакина не входило въ ея расчеты.

— Вы не можете повѣрить, что она уже выбрала себѣ мужа? — продолжала Химена.

— Не думаю, чтобы это могло быть, — отвѣчалъ Хоакинъ, — я увѣренъ въ ея добродѣтели и въ ея послушаніи. Притомъ же она еще слишкомъ молода, чтобы имѣть такія мысли. Если бы она была немного постарше, ее отвезли бы въ монастырь, — она давно хочетъ постричься, только о томъ и мечтаетъ.

— Вы очень ошибаетесь, — сказала Химена. — Правду говорятъ, что свои узнаютъ послѣдними. Я хочу открыть вамъ глаза. Знайте, если вы не поспѣшите выдать замужъ Лауру, то она выберетъ себѣ мужа, не спросясь васъ.

— Я этому не вѣрю, — отвѣчалъ Хоакинъ.

— Я не хочу думать дурно о вашей сестрѣ, — продолжала Химена. — и придавать дурной смыслъ ея благосклонности къ дону Габріелю. Если бы ваша благородная сестра не имѣла намѣренія выйти замужъ за Габріеля, она не разговаривала бы съ нимъ каждый вечеръ у своего окошка.

Тутъ только поняла Конча, что ревность заставляетъ Химену говорить это. И она быстро стала на сторону подруги, лукавымъ смѣхомъ разжигая гнѣвъ Хоакина. За нею стала улыбаться и ея мать.

— Я вижу, — возразилъ Хоакинъ, — вы говорите о томъ, что донъ Габріель иногда приходитъ ко мнѣ. Но мои окна очень далеки отъ покоевъ моей сестры. Кромѣ того, знайте, что Габріелю никакъ нельзя имѣть бесѣдъ съ моею сестрою, за нею смотрятъ очень строго, и воли ей не даютъ.

Всѣ три женщины слушали его съ насмѣшливымъ и недовѣрчивымъ видомъ. Химена сказала:

— Я тоже не сразу повѣрила. Но это происходитъ такъ явно, что уже и сосѣди всѣ объ этомъ говорятъ. Не вѣрятъ, что вашъ отецъ ничего не знаетъ. Толкуютъ, что онъ притворяется незнающимъ, чтобы сбыть Лауру съ рукъ безъ всякихъ издержекъ.

Хоакинъ былъ такъ разгнѣванъ, что уже не могъ вымолвить слова. А дамы, забавляясь его яростью, еще болѣе разжигали его злость. Онъ ушелъ отъ нихъ въ великомъ бѣшенствѣ.

Возвратясь домой, Хоакинъ, несмотря на поздній часъ, немедленно пошелъ къ отцу, и разсказалъ ему все, что слышалъ. Донъ Родригъ пришелъ въ великій гнѣвъ. Онъ уже собирался итти къ Лаурѣ, восклицая:

— Я выбью изъ нея дурь!

Но Хоакинъ остановилъ его:

— Подождемъ, прослѣдимъ. Теперь она можетъ отпереться отъ всего. Лучше изобличить ихъ на дѣлѣ.

— Ты правъ, — сказалъ донъ Родригъ. — Ты — умный малый.

Хоакинъ самодовольно усмѣхнулся. Отецъ и сынъ долго бесѣдовали, понижая голосъ до шопота, — все совѣщались, какъ отомстить Габріелю. Рѣшили пока таить гнѣвъ и наблюдать за поступками влюбленныхъ.

Вскорѣ донъ Родригъ услышалъ, что въ Кадиксъ пришли корабли изъ Индіи, на которыхъ были погружены его товары. Донъ Родригъ обрадовался случаю уѣхать изъ города и предоставить другимъ распутывать эту непріятную исторію. Ссориться съ богатымъ Габріелемъ не входило въ его расчеты. Какъ онъ ни любилъ сына, но все же предпочелъ въ этомъ случаѣ остаться въ сторонѣ. Въ его черствое сердце закралась даже досада на Хоакина, изъ-за котораго ему грозили непріятности. Притомъ же

онъ былъ увѣренъ, что его любимецъ устроитъ все хорошо. Онъ думалъ:

«Пусть заслужитъ мое наслѣдство».

Онъ выѣхалъ со своими слугами изъ Санлукара. Въ домѣ остались только Хоакинъ со своимъ пажемъ и Лаура съ Мерседесъ и молодою служанкою.

Проводивъ отца, Хоакинъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство. Дерзкая отвага Габріеля внушала ему страхъ, но этотъ страхъ все же не отклонялъ его отъ исполненія замышленнаго. Хоакинъ усердно слѣдилъ за Лаурою. Въ одну ночь онъ увидѣлъ, какъ Габріель разговариваетъ съ нею подъ ея окномъ. Тогда Хоакинъ рѣшилъ приступить къ исполненію злого замысла.

Лаура, замѣтивъ, что Хоакинъ съ нею особенно холоденъ, рѣшилась воспользоваться отсутствіемъ отца, чтобы уйти къ Габріелю. Съ этою цѣлью, увидѣвъ, что Хоакинъ уѣхалъ послѣ обѣда со двора, Лаура сѣла писать своему милому. Она просила Габріеля притти къ ней въ ближайшую ночь, чтобы посовѣтоваться, что имъ надлежитъ дѣлать.

Лаура не знала, что отъѣздъ ея брата былъ притворный. Онъ хотѣлъ застать ее врасплохъ. Отъѣхавъ недалеко, онъ вернулся, и тихо вошелъ въ домъ. Никто его не видѣлъ: старая Мерседесъ дремала въ саду подъ пиніею, убаюканная тихимъ журчаніемъ фонтана, а Лаурина служанка и Хоакиновъ пажъ о чемъ-то шептались, укрывшись отъ зноя въ густые кусты около забора, шептались такъ тихо, словно боялись, что ютящіеся тамъ рогатые жуки подслушаютъ и разжужжатъ сосѣдямъ ихъ секреты. Хоакинъ прокрался къ дверямъ Лауриной комнаты. Слегка пріоткрывъ дверь, онъ увидѣлъ, что Лаура пишетъ. Усмѣхнувшись злорадно, онъ ждалъ. Едва только Лаура окончила письмо и собиралась его запечатать, Хоакинъ поспѣшно вошелъ въ комнату. Лаура затрепетала, хотѣла спрятать письмо, но было уже поздно.

Хоакинъ вырвалъ изъ ея рукъ письмо, и прочиталъ его. Онъ закричалъ съ дикимъ хохотомъ:

— Вотъ твоя дѣвическая скромность! Вотъ твое послушаніе!

Лаура упала на колѣни, и молила о пощадѣ. Но Хоакинъ, не желая ничего слушать, вышелъ изъ комнаты, и заперъ ее на ключъ. Затѣмъ онъ громкимъ крикомъ созвалъ слугъ.

— Старая вѣдьма! — крикнулъ онъ на испуганную Мерседесъ, — хорошо ты смотришь за Лаурою! Иди въ свою комнату, и молись Богу на досугѣ. И ты, скверная дѣвчонка, иди туда же!

И онъ заперъ на ключъ служанку и Мерседесъ.

— Кто носилъ письма дону Габріелю? — грозно спросилъ онъ пажа.

— Не знаю, — равнодушно отвѣчалъ мальчишка.

Ему было забавно, что его подруга попала подъ замокъ. Ни о чемъ другомъ онъ не думалъ. Хоакинъ велѣлъ ему итти за знакомымъ священникомъ.

— Скажи отцу Бенедикту, что умирающій ждетъ исповѣди.

Пажъ посмотрѣлъ на Хоакина съ удивленіемъ.

— Развѣ доннѣ Лаурѣ плохо? — спросилъ онъ. — Не позвать ли врача?

— Врача я самъ приведу, — отвѣчалъ Хоакинъ, — а ты дѣлай, что тебѣ велятъ, да бѣги живѣе, пока не битъ.

Испуганный пажъ во всю прыть проворныхъ голыхъ ногъ помчался къ отцу Бенедикту. Скоро отецъ Бенедиктъ пришелъ. Хоакинъ встрѣтилъ его на порогѣ дома.

— Кто умираетъ? — спросилъ священникъ.

— Идите за мною, — угрюмо сказалъ Хоакинъ.

И повелъ его къ Лаурѣ. Старецъ, многое видѣвшій въ жизни, не особенно былъ удивленъ тѣмъ, что дверь къ умирающему была замкнута на ключъ. Хоакинъ ввелъ священника къ Лаурѣ. Она стояла на колѣняхъ передъ

рѣзнымъ темнымъ Распятіемъ, и со слезами молилась. Услышавъ звукъ отмыкаемой двери, она обратила къ вошедшимъ испуганные глаза, и схватилась рукою за тяжелое Распятіе. Хоакинъ сказалъ отцу Бенедикту:

— Исповѣдайте и разрѣшите отъ грѣховъ эту несчастную дѣвицу. Она заслужила наказаніе смертью, и приметъ смерть изъ моихъ рукъ, какъ только вы окончите ваше дѣло.

Священникъ. испуганный словами и яростнымъ лицомъ Хоакина и тронутый слезами и отчаяніемъ юной дѣвицы, сказалъ:

— Донъ Хоакинъ, подумайте, какое жестокое беззаконіе помышляете вы совершить!

Но всѣ его увѣщанія были тщетны. Съ нетерпѣніемъ слушалъ его Хоакинъ, и наконецъ яростно закричалъ:

— Я призвалъ васъ исповѣдовать мою сестру, а не подавать мнѣ совѣты. Я самъ знаю, что дѣлаю. А если вы не согласны, то идите отсюда. Я и безъ васъ пролью кровь этой порочной дѣвицы, которая опозорила честь нашего рода.

Тогда, видя его неумолимость, священникъ сѣлъ на стулъ, стоящій близъ Распятія, и тихимъ голосомъ подозвалъ Лауру. Она склонила передъ нимъ колѣни, и исповѣдала свои грѣхи съ такою кротостью и съ такимъ смиреніемъ, что священникъ проникся еще большею жалостью къ ней. Онъ снова сталъ умолять Хоакина, чтобы онъ сжалился надъ Лаурою и пощадилъ ея жизнь. Онъ говорилъ:

— Донна Лаура имѣла законныя намѣренія. Если она и хотѣла избрать себѣ мужа противъ воли своей семьи, то все же не заслуживаетъ за это наказанія смертью.

Въ великой ярости Хоакинъ разразился страшнѣйшими ругательствами и богохульствами. Онъ закричалъ:

— Довольно! Не хочу я слышать вашей болтовни. Вы кончили ваше дѣло, такъ можете итти домой. Только

берегитесь разсказывать кому-нибудь о томъ, что здѣсь видѣли и слышали, если жизнь вамъ еще мила.

Отецъ Венедиктъ, дрожа отъ ужаса, не посмѣлъ болѣе сказать ни слова, и поспѣшно вышелъ. Межъ тѣмъ Лаура стояла на колѣняхъ передъ Распятіемъ, плакала и молилась. Едва отецъ Бенедиктъ вышелъ изъ комнаты, Хоакинъ бросился на Лауру, ухватилъ ее за волосы, и нанесъ ей нѣсколько ударовъ кинжаломъ. Лаура едва успѣла вскрикнуть отъ ужаса и отъ боли, и тяжело свалилась на полъ. Хоакинъ, считая ее мертвою, вышелъ. Онъ замкнулъ за собою дверь, но въ торопливости не вынулъ ключа, — спѣшилъ довершить свое злодѣяніе.

Пажъ забавлялся на дворѣ, бросая камешками въ то окно, изъ котораго выглядывали блѣдныя, испуганныя лица дуэньи и служанки. Хоакинъ позвалъ его и сказалъ грозно:

— Если ты побьешь стекла, я тебѣ оторву голову!

Въ подкрѣпленіе угрозы Хоакинъ хотѣлъ было поколотить мальчишку, но вспомнилъ, что онъ еще пригодится сегодня для важнаго дѣла, требующаго вѣрности и точности, а потому перемѣнилъ намѣреніе, вытащилъ изъ кошелька, хотя не безъ колебанія, золотой дублонъ, и отдалъ его пажу. Вмѣстѣ съ тяжелою монетою Хоакинъ отдалъ пажу и то письмо, которое отнялъ у Лауры.

— Отнеси это письмо къ дону Габріелю Ромеро, и скажи ему, что письмо дала тебѣ сама донна Лаура. Понялъ? Обо мнѣ не смѣй говорить ни слова. Да попроси отвѣта. Скажи: донна Лаура проситъ отвѣта. Если сдѣлаешь все хорошо, получишь еще столько же.

Пажъ былъ очень обрадованъ, первый разъ въ жизни сдѣлавшись обладателемъ столь крупной суммы. Съ видомъ большого усердія онъ ухватилъ письмо и монету, и побѣжалъ. За воротами онъ осмотрѣлся, и быстро куснулъ монету, чтобы узнать, не поддѣльная ли она. Потомъ, не довѣряя крѣпости кармановъ, онъ сунулъ дублонъ за

щеку, помчался, сверкая на заходящемъ солнцѣ красною курткою и смуглыми ногами, и въ душѣ его было сильное желаніе заслужить обѣщанную награду. Онъ исправно сдѣлалъ все, что ему было велѣно.

Габріель очень удивился тому, что письмо не Мерседесъ ему принесла, и даже не Лаурина дѣвушка. Не случилось ли чего со старухою? Но Габріель не рѣшился спросить объ этомъ у пажа, чтобы не выдать неосторожнымъ словомъ вѣрную дуэнью. Онъ только спросилъ:

— Тебя донъ Хоакинъ послалъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мальчишка, — донна Лаура. Донъ Хоакинъ куда-то уѣхалъ верхомъ.

Почеркъ письма убѣдилъ Габріеля, что письмо дѣйствительно отъ Лауры. Не показывая своего удивленія, прочиталъ письмо, и сказалъ мальчишкѣ:

— Передай, что я все исполню, что здѣсь сказано.

Мальчишка побѣжалъ къ своему господину. Выслушавши его сообщеніе, Хоакинъ подарилъ ему второй дублонъ, и отправился къ одному изъ своихъ собутыльниковъ, Гильерму Варела.

— Другъ мой Гильермъ, — сказалъ ему Хоакинъ, — завелся соловей ночной, повадился ночью распѣвать подъ нашими окнами, и мѣшаетъ мнѣ спать.

— Если ты, Хоакинъ, — отвѣчалъ Гильермъ, — хочешь убить ночного соловья, то я охотно помогу тебѣ.

— Этимъ ты окажешь мнѣ большую услугу, — сказалъ Хоакинъ. — А если тебѣ придетъ нужда въ вѣрной шпагѣ, то расчитывай на меня смѣло.

— Между друзьями что за счеты! — отвѣчалъ Гильермъ. — Но не понадобится ли намъ третій?

— А кого позвать? — спросилъ Хоакинъ.

— Позовемъ Мануеля Репеса, — посовѣтовалъ Гильермъ.

Такъ и сдѣлали. Ночью всѣ трое пошли въ переулокъ у дома дона Родрига, и тамъ, таясь въ нишѣ воротъ, ждали.

Едва только пробило одиннадцать часовъ, Габріель вышелъ изъ дома. На этотъ разъ онъ былъ особенно остороженъ. Весь вечеръ раздумывалъ онъ, почему письмо принесъ мальчишка, а не старая Мерседесъ. Полный томительныхъ опасеній и мрачныхъ предчувствій, онъ тщательно зарядилъ пистолеты, взялъ остро-наточенную шпагу, закрылъ лицо плащемъ и широкими полями шляпы, и шелъ осторожно, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Но вездѣ было тихо и темно, и только мерцавшія на темно-синемъ небѣ великолѣпныя сочетанія звѣздъ слабо освѣщали его путь по тяжелымъ плитамъ затихшихъ улицъ. Слабо и томно пахло доцвѣтающимъ лимономъ, и съ моря доносился далекій гулъ прилива.

Габріель подошелъ къ знакомому окну. Оно было закрыто. Онъ осторожно постучалъ въ ставень. Никто не отзывался. Привыкшими къ ночной темнотѣ глазами онъ осмотрѣлся вокругъ. Служанки Лауриной не было видно. Габріель взмостился на приступокъ дома, рванулъ ставень, — онъ заскрипѣлъ и распахнулся, и при слабомъ свѣтѣ догарающей лампады Габріель смутно различилъ лежащее на полу въ бѣломъ платьѣ чье-то тѣло.

«Лаура убита!» — съ ужасомъ подумалъ Габріель.

Въ ту же минуту онъ услышалъ сзади себя звонъ оружія. Габріель поспѣшно соскочилъ на землю. Три человѣка напали на него. Онъ защищался отчаянно. Любовь и гнѣвъ увеличивали его ловкость, и умножили его силу; взятые не напрасно пистолеты дали ему перевѣсъ надъ противниками, и скоро онъ былъ побѣдителемъ. Раненные выстрѣлами изъ его пистолетовъ, друзья Хоакина обратились въ бѣгство. За ними бѣжалъ и самъ Хоакинъ. На звуки пистолетной стрѣльбы прибѣжали коррехидоръ и стражники. Габріель разсказалъ, что на него напали, и что въ этомъ домѣ, повидимому, совершено убійство. Въ это время принесли сюда раненнаго Гильерма, — онъ упалъ недалеко, и стражники подняли его. Хотя рана

Гильерма была не опасна, но онъ вообразилъ себя умирающимъ, совѣсть заговорила въ немъ, и онъ признался, что донъ Хоакинъ подговорилъ его убить Габріеля за то, что тотъ склонялъ къ бѣгству его сестру Лауру.

— А что съ донною Лаурою? — тревожно спросилъ Габріель.

— Убита донномъ Хоакиномъ, — сказалъ слабымъ голосомъ Гильермъ, и потерялъ сознаніе.

Коррехидоръ въ сопровожденіи Габріеля и стражниковъ вошелъ въ домъ. Добрались до Лауриной комнаты. Лаура, приведенная въ чувство ночною прохладою, стонала, лежа на полу. Одинъ изъ стражниковъ привелъ врача. Въ то же время освобожденныя изъ-подъ замка Мерседесъ и дѣвушка прибѣжали и осторожно перенесли Лауру на ея постель.

Раны Лаурины, хотя и многочисленныя, оказались неопасны. Прилежный уходъ скоро поставилъ ее на ноги. Тѣмъ временемъ власти принялись за разслѣдованіе дѣла. Хоакинъ былъ уличенъ въ покушеніи на убійство сестры, и приговоренъ къ смертной казни.

Выгодныя торговыя дѣла долго задерживали дона Родрига въ Кадиксѣ. Наконецъ кто-то изъ друзей написалъ ему о процессѣ его сына. Встревоженный донъ Родригъ поспѣшилъ въ Санлукаръ. Корабль, на который онъ сѣлъ, потерпѣлъ крушеніе, нанесенный внезапнымъ порывомъ вѣтра на одну изъ мелей, которыми изобилуетъ устье Гвадалквивира. Донъ Родригъ едва спасся отъ смерти. Къ довершенію бѣды береговые жители ночью ограбили его. Кое-какъ, съ большимъ промедленіемъ времени, донъ Родригъ добрался до Санлукара.

Сидя на лѣнивомъ и медленномъ ослѣ, который останавливался каждый разъ, когда находилъ случай полакомиться сочнымъ плодомъ, донъ Родригъ въѣхалъ въ Санлукаръ въ тотъ самый часъ, когда Хоакина вели на площадь, гдѣ его ждали палачъ съ топоромъ и плаха.

Донъ Родригъ увидѣлъ сына, но въ какомъ видѣ? Со связанными за спиною руками, въ рубашкѣ изъ грубой шерсти, съ непокрытою головою и голыми ногами шелъ по пыльнымъ улицамъ города Хоакинъ де Инестросъ. Конный солдатъ держалъ въ рукѣ конецъ веревки, которою были связаны руки Хоакина. Мальчишки бѣжали за Хоакиномъ, свистали и кричали:

— Убійца! Проклятый!

Это зрѣлище такъ потрясло стараго дона Родрига, что онъ поспѣшилъ домой, и отравился.

А Лаура, оправившись отъ болѣзни, вышла замужъ за Габріеля. Она часто ходила плакать на могилахъ отца и брата, хотя они и были такъ жестоки къ ней. Габріель сказалъ ей однажды:

— Если бы ты сразу согласилась бѣжать изъ отцова дома, все обошлось бы гораздо лучше.

Лаура, осушивъ слезы, отвѣчала:

— Я и такъ довольно счастлива, и о минувшемъ не жалѣю. Вѣдь и святые всѣ прошли множество напастей и искушеній, и преуспѣли. Огонь очищаетъ желѣзо, искушеніе очищаетъ праведнаго.

И старая Мерседесъ сказала:

— Если бы Лаура самовольно ушла изъ родительскаго дома, то и отецъ, и братъ искали бы причинить ей зло. Смиреніе же и покорность Лауры ихъ зло обратили на нихъ самихъ, — и такъ мы увидѣли, что злое само себя сгубило.

Габріель подивился этимъ словамъ. Но, обдумавъ ихъ внимательно, онъ воздалъ хвалу Господу, устрояющему все къ лучшему, и уже никогда впредь не упрекалъ Лауру.

1917 г.

Стражъ великаго царя

Драматическая сказка въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

КИНОДЖА, царь Табаристана.
ХОДЖИСТЭ, его дочь.
КАМРУ, стражъ.
ЧУНДЕРЪ, его жена.
ХАЛИСЪ, ихъ сынъ.
ДИВЪ.
ЗМѢЯ, живущая въ огнѣ.
ДЖАФАРЪ, великій визирь.
МІЕМУНЪ, мудрецъ.
ФЕРУХЪ, военачальникъ.
Гости царя и народъ.

Дѣйствіе первое.

Сѣни передъ чертогомъ царя Табаристанскаго. Лѣстница, опускающаяся прямо впередъ. Надъ чертогомъ — огороженная плоская кровля. Въ глубинѣ сѣней — высокая, широко раскрытая дверь въ пиршественную залу. Изъ залы слышенъ ликующій шумъ. Пиръ кончается. Довольные угощеніемъ, выходятъ гости, — царевичи, знать, мудрецы, наставники, ученые, правители. Царь КИНОДЖА *провожаетъ мудрѣйшихъ. Гости хвалятъ пиръ, чертогъ, царя, царевну.*

Внизу лѣстницы стоятъ бѣдно одѣтые КАМРУ *и* ХАЛИСЪ.

ГОСТИ. — Великій царь, пиръ твой подобенъ торжеству въ райскихъ сѣняхъ.

Слышенъ невнятный, но громкій и грозный голосъ:

— Я иду.

Всѣ смущены.

КИНОДЖА. — Я слышу этотъ голосъ уже нѣсколько ночей. И не знаю, чей это голосъ, и что онъ значитъ.

МІЕМУНЪ. — Печаль уходитъ отъ чертога великаго и мудраго царя.

КИНОДЖА. — Но отчего же въ этомъ голосѣ слышна угроза?

МІЕМУНЪ. — Счастіе великаго царя гонитъ ее, и она ропщетъ.

Выходитъ ХОДЖИСТЭ.

ХАЛИСЪ, *отцу*. — Кто эта прекрасная?

КАМРУ. — Дочь великаго царя. Но зачѣмъ ты глядишь на нее такъ пристально?

ХАЛИСЪ. — Лицо ея подобно лунѣ въ четырнадцатый день мѣсяца. Ея локоны чернотою напоминаютъ тьму благоуханной ночи. Стройный станъ ея подобенъ кипарису, а царственная походка — поступи фазана. Сладостная рѣчь ея подобна пѣнію соловья, искуснаго и влюбленнаго, который знаетъ тысячу трелей и одну. Это и есть та красавица, которую видѣлъ я во снѣ нынче ночью, когда мы въ полѣ передъ этимъ городомъ остановились на ночлегъ.

Увлекаясь, выдвигается впередъ, и поднимается по ступенямъ лѣстницы. КАМРУ *останавливаетъ его.*

КАМРУ. — Любовь къ царевнѣ погубитъ тебя. Будь скроменъ. Дорожные сны и полевыя сказки пусть остаются за оградою великаго и славнаго города.

Становится впереди сына. Тогда царь и придворные замѣчаютъ его.

КИНОДЖА. — Кто это? Въ лохмотьяхъ и покрытый густою пылью.

ДЖАФАРЪ. — Кто ты? Откуда пришелъ ты въ непраздничной одеждѣ къ высокому порогу?

КАМРУ. — Я — боецъ на мечахъ и ловецъ львовъ. Я постигъ искусство метанія стрѣлъ, и такъ умѣло и сильно пускаю ихъ, что онѣ пробиваютъ даже твердый камень. И еще многія тайны и хитрости доступны мнѣ.

ДЖАФАРЪ. — Глядя на твои лохмотья, не скажешь, что ты богатъ. Что же твое искусство?

ГОСТИ *смѣются.*

МІЕМУНЪ. — Знающій знаетъ тщету богатства, и умножаетъ не золото, а мудрость.

ФЕРУХЪ. — Сильный знаетъ безсиліе золота, и умножаетъ не сокронища, а силу.

ДЖАФАРЪ. — Но этотъ человѣкъ ужъ слишкомъ презираетъ богатство. Онъ самъ въ лохмотьяхъ, а сынъ его полунагъ.

ХОДЖИСТЭ. — Самый мудрый — тотъ, кто знаетъ свой срокъ.

КИНОДЖА. — Пусть онъ самъ о себѣ скажетъ.

КАМРУ. — Былъ я на службѣ у царя Ходженскаго, но царь не умѣлъ оцѣнить моей ловкости. Я оставилъ его. И вотъ пришелъ къ великому царю Табаристанскому.

ДЖАФАРЪ. — И царь Ходженскій отпустилъ тебя ни съ чѣмъ? Малаго же стоила твоя служба!

КАМРУ. — У меня есть сокровище, есть богатство, съ которымъ не сравнятся никакіе дары, — мой сынъ. Онъ силенъ и прекрасенъ, и судьба его вся передъ нимъ.

ДЖАФАРЪ. — За такое сокровище на базарѣ не только быка, не дадутъ и теленка.

МІЕМУНЪ. — Чего стоитъ отрокъ, знаетъ тотъ, кто далъ ему жизнь.

КИНОДЖА. — Если они голодны, пусть ихъ накормятъ. Джафаръ, скажи, чтобы мнѣ дали вина, — хочу

выпить здѣсь, подъ этими ясными звѣздами, послѣднюю сегодня чашу.

ЦАРЬ и ГОСТИ *пьютъ*. ХОДЖИСТЭ *подходитъ къ Халису.*

ХОДЖИСТЭ. — Прекрасный отрокъ, ты чей?

ХАЛИСЪ. — Вотъ мой отецъ.

ХОДЖИСТЭ. — Кто же вы? На царскомъ пирѣ только ты одинъ въ бѣдной одеждѣ, ты и твой отецъ. Но на царскомъ пирѣ я не видѣла отрока прекраснѣе тебя, и мужа болѣе сильнаго и величественнаго, чѣмъ твой отецъ. Вы оба, какъ царь и царевичъ, изгнанные изъ чертога предковъ вашихъ буйными рабами, упившимися виномъ.

ХАЛИСЪ. — Мой отецъ — сильный воинъ, но не царь.

ХОДЖИСТЭ. — Какъ стройны твои обнаженныя ноги!

ХАЛИСЪ. — Я тебя знаю. Я тебя видѣлъ.

ХОДЖИСТЭ. — Гдѣ? Когда? Я тебя не помню.

ХАЛИСЪ. — Я видѣлъ тебя нынче ночью во снѣ.

ХОДЖИСТЭ. — Ты очень глупый, или очень мудрый. *Смѣется.*

ХАЛИСЪ. — Вѣдѣніе мудраго — безуміе для неразумнаго.

ХОДЖИСТЭ. — Но ты-то въ этомъ что понимаешь, милый отрокъ? Вотъ приближается ночь. Если никто не пуститъ васъ ночевать къ себѣ въ домъ, твои ноги будутъ дрожать отъ холода. Возьми этотъ плащъ. Покройся имъ, и во снѣ опять постарайся увидѣть меня. *Даетъ Халису свой плащъ. Говоритъ отцу:* — Отецъ, возьми этого человѣка на службу. Онъ будетъ вѣренъ тебѣ.

КИНОДЖА. — Ты — умная. Ты смотришь на человѣка, и видишь его мысли и желанія. Душа человѣка открыта передъ тобою, и ты видишь, что онъ будетъ вѣренъ.

ХОДЖИСТЭ, *застыдившись отъ похвалы отца и улыбаясь, уходитъ за чертогъ.*

КИНОДЖА. — Пусть этотъ человѣкъ служитъ мнѣ. Да будетъ онъ стражемъ моего чертога.

КАМРУ, *падая ницъ передъ царемъ.* — Благодарю тебя, великій царь. Благоволеніе царя пламенно и страшно, но ты будешь доволенъ моею службою.

КИНОДЖА *уходитъ въ чертогъ.*

ХАЛИСЪ, *отцу.* — Я люблю царевну.

КАМРУ. — Что это за безуміе! Развѣ возможно, чтобы нищій породнился съ великимъ царемъ.

ХАЛИСЪ. — Не знаю, хорошо ли, что я утаилъ отъ нея . . . Но она дала мнѣ плащъ.

КАМРУ. — Что ты утаилъ отъ нея?

ХАЛИСЪ. — Я не сказалъ ей, что добрая женщина дала намъ пріютъ на эту ночь.

КАМРУ. — Зачѣмъ царевнѣ знать объ этомъ? Она только посмотрѣла на тебя, и ушла, и уже забыла.

ХАЛИСЪ, *любуясь подаркомъ царевны, повторяетъ.* — Она дала мнѣ свой плащъ.

КАМРУ. — Иди къ той доброй женщинѣ, которая дала намъ пріютъ на эту ночь, и скажи матери, что я долженъ остаться здѣсь на стражѣ у царскаго чертога. Спи спокойно, и забудь о царевнѣ.

ХАЛИСЪ. — Лучше мнѣ умереть, чѣмъ забыть о ней.

КАМРУ. — Другъ мой, я слышалъ, спросили однажды у великаго мудреца: что такое любовь? И мудрецъ отвѣтилъ: любовь, это какъ бы смерть при жизни.

ХАЛИСЪ. — Сладостная смерть! Ахъ, лучше умереть любя, чѣмъ жить безъ любви.

Медленно уходитъ. Всѣ ГОСТИ *уже ушли. Огни пиршества гаснутъ.* КАМРУ *становится на стражу.* КИНОДЖА *выходитъ на кровлю. Смотритъ вокругъ. Въ чертогѣ у двери стоитъ* ХАЛИСТЭ, *притаившись, и слушаетъ.*

КИНОДЖА. — Стражъ, скажи мнѣ, отчего я не могу заснуть.

КАМРУ, *низко поклонившись царю.* — Если царь будетъ спать ночью, у него не останется времени для поклоненія Богу.

КИНОДЖА. — Но я и днемъ не спалъ.

КАМРУ. — Если царь будетъ спать днемъ, то пострадаютъ его подданные.

КИНОДЖА. — Когда я имъ нуженъ, они хотѣли бы, чтобы я судилъ ихъ и днемъ, и ночью. И тогда они смотрятъ на меня, и судятъ меня еще строже, чѣмъ я ихъ сужу. Когда они мнѣ нужны, они были бы рады, если бы я спалъ круглыя сутки. Когда я тревожу ихъ, они ропщутъ, и готовы были бы усыпить меня навѣки. Они не могутъ обойтись безъ людей, которые за нихъ думаютъ, сражаются и молятся. А для поклоненія Богу иная минута святѣе цѣлаго дня. Нѣтъ, стражъ, я не сплю по иной причинѣ.

КАМРУ. — Великій царь, ты ждешь того, кто приходитъ внезапно. Но не тревожься, — я на стражѣ, никто не войдетъ въ твой чертогъ и не похититъ твоихъ сокровищъ.

КИНОДЖА. — Отъ приходящаго внезапно никто не остережется.

Издали доносится угрожающій голосъ:

— Я иду! И кто изъ людей заставитъ меня вернуться?

КИНОДЖА. — Стражъ, ты слышишь этотъ голосъ?

КАМРУ. — Я слышалъ этотъ голосъ, когда съ женою и съ сыномъ шелъ въ твой славный городъ. Жена и сынъ думали, что я знаю, чей это голосъ, и спрашивали меня. Кто знаетъ хотя немногое, того спрашиваютъ обо всемъ. Но я ничего не могъ сказать имъ. Я знаю мой долгъ, и не допытывался, что это за шумъ. Но если ты, царь, повелишь мнѣ, я тотчасъ узнаю, кто это, и доложу объ этомъ двору, населенному рабами святѣйшаго закона.

КИНОДЖА. — Иди, узнай, и скажи мнѣ. Только мнѣ, — никому иному не надо знать.

КАМРУ *уходитъ.* КИНОДЖА *окутываетъ тѣло и лицо черным покрываломъ, поглощающимъ всякій свѣтъ. Становится незримъ. Идетъ вслѣдъ за стражемъ.* ХОДЖИСТЭ *выходитъ на кровлю. Слышенъ голосъ:*

— Я иду! Кто меня задержитъ?

Входятъ ХАЛИСЪ, *несетъ въ глиняной посудѣ пищу для отца, и* ЧУНДЕРЪ, *несетъ въ глиняномъ кувшинѣ воду для мужа.*

ХАЛИСЪ. — Отецъ, гдѣ ты?

ХОДЖИСТЭ. — Твой отецъ ушелъ въ пустыню прогнать духа, который тревожитъ великаго царя.

ХАЛИСЪ, *испуганно и радостно.* — Здѣсь прекрасная царевна.

ХАЛИСЪ *и* ЧУНДЕРЪ *кланяются царевнѣ.*

ХОДЖИСТЭ. — И мой отецъ ушелъ въ пустыню. Ушли сильные, остались женщины и дѣти.

ЧУНДЕРЪ. — Царевна, сынъ мой замѣнитъ отца на стражѣ. Онъ силенъ и вѣренъ, какъ и его отецъ, и пока отрокъ здѣсь, ты, царевна, ничего не бойся.

ХОДЖИСТЭ. — Я никогда не боюсь. Меня не научили страху. — *Халису.* — Милый отрокъ, иди за твоимъ отцомъ, и помоги ему охранять въ пустынѣ великаго царя. Ужасны и неодолимы тайныя силы, но страхи бѣгутъ отъ того, кто чистъ и непороченъ.

ХАЛИСЪ *кланяется царевнѣ до земли, и уходитъ.* ЧУНДЕРЪ *садится на ступени.* ХОДЖИСТЭ *смотритъ вдаль.*

ХОДЖИСТЭ. — Кто за себя не боится, тотъ вдвое боится за другого. Я боюсь за отца и за милаго, ты — за мужа и за сына. Одна тоска въ нашихъ сердцахъ.

ЧУНДЕРЪ, — Царевна, а кто же твой милый, и гдѣ онъ?

ХОДЖИСТЭ. — Все дальше, все дальше уходитъ.

ЧУНДЕРЪ. — А кто же онъ?

ХОДЖИСТЭ. — Женщина, ты слишкомъ любопытна. Скажи мнѣ лучше утѣшительную сказку.

ЧУНДЕРЪ. — Если хочешь, милая царевна, я разскажу тебѣ о томъ, какъ одинъ . . .

Луна восходитъ надъ чертогомъ, полная и ясная. Серебристый туманъ заволакиваетъ все предстоящее, и не слышно словъ утѣшительной сказки. Отходитъ отъ чертога дѣйствіе и влечется въ пустыню.

Дѣйствіе второе.

Пустынное поле. Перекрестокъ двухъ тихихъ дорогъ. Полная луна свѣтитъ ярко и смотритъ, любопытная, какъ беременная женщина. ДИВЪ *съ темнымъ, но прекраснымъ лицомъ стоитъ въ тѣни цвѣтущаго и благоухающаго истомно дерева, и кричитъ страшнымъ голосомъ:*

— Я иду! Кто заставитъ меня вернуться?

Входитъ КАМРУ. *За нимъ* КИНОДЖА *въ черномъ плащѣ, поглощающемъ всякій свѣтъ.*

КАМРУ. — Прекрасный и великій Дивъ, почему ты говоришь эти страшныя слова?

ДИВЪ. — Я — ангелъ смерти.

КАМРУ, *мгновенно ужаснувшись, падаетъ на лицо свое, кланяясь Диву. Но мужество воина тотчасъ же свозвращается къ нему. Онъ поднимается, и говорит съ Дивомъ, какъ человѣкъ, всегда готовый встрѣтить мерть.* ъ

КАМРУ. — Путь передъ тобою свободенъ. Отчего же ты медлишь на этомъ перекресткѣ, и съ кѣмъ ты споришь?

ДИВЪ. — Отъ многихъ душъ исходящія незримыя нити держатъ на землѣ того, къ кому я посланъ, но и эту сѣть я разрушу, какъ легкую паутину.

КАМРУ. — Чѣмъ же ты умерщвляешь?

ДИВЪ. — Взоромъ моимъ и голосомъ я зову душу которой насталъ срокъ разстаться съ тѣломъ.

КАМРУ. — Куда ты идешь?

ДИВЪ. — Я иду въ чертогъ царя Киноджи.

КАМРУ. — Чертогъ великаго царя охраняется крѣпко.

ДИВЪ. — Дни царя истекаютъ, и я иду, чтобы взять его душу и отнести ее къ превысокому престолу.

КАМРУ. — Я долженъ вернуть тебя обратно. Къ господину моему не пущу тебя, страшный.

ДИВЪ. — Никакою силою меня не вернешь и не остановишь.

КАМРУ. — Дамъ тебѣ многоцѣнный выкупъ за душу господина моего.

ДИВЪ — Ты слишкомъ смѣло обѣщаешь. Когда ты узнаешь, чего я требую, ты откажешься.

КАМРУ. — Я дамъ все, чего ты потребуешь.

Входитъ ХАЛИСЪ.

ХАЛИСЪ. — Отецъ, что ты дѣлаешь въ этомъ мрачномъ мѣстѣ? Въ первую же ночь ты оставилъ порогъ высокаго чертога! Ты забылъ о царѣ, и царевна въ тревогѣ и въ страхѣ. Что подумаетъ царь, если узнаетъ, что ты ушелъ?

КАМРУ. — Я спорю съ этимъ духомъ о душѣ моего великаго господина.

ДИВЪ. — Развѣ есть еще вѣрность на землѣ? Вездѣ, куда я приходилъ, я видѣлъ, что люди торопятся пасть къ ногамъ новаго господина. Одинъ только ты хочешь сохранить сочтенные дни и умножить дни обреченнаго моему мечу.

КАМРУ. — Скажи, какой ты возьмешь выкупъ.

ДИВЪ. — Чтобы я оставилъ душу твоего господина въ его тѣлѣ, ты хочешь принести великую жертву. Подумай, — если царь умретъ, тебя и другой царь не прогонитъ. Тотъ, кто служитъ, ни о чемъ иномъ не думая,

нуженъ каждому властелину, какъ бы тотъ ни именовался. Тебѣ, нищему, не все ли равно, кому ты служишь? У тебя нѣтъ дома, и нѣтъ родины.

КАМРУ. — Я вѣренъ моему господину, потому что я вѣренъ моему слову. Я долженъ вернуть тебя обратно.

ДИВЪ. — Если ты за душу великаго царя отдашь мнѣ душу твоего сына, я вернусь, и царь избѣгнетъ смерти.

КИНОДЖА, *радостно.* — Я избѣгну смерти.

Среди луннаго сіянія надъ безлюдными дорогами и надъ пустынею онъ одинъ окутанъ мракомъ, и слова его поглощены окружающимъ его молчаніемъ и тьмою.

КАМРУ, *радостно.* — Великій царь избѣгнетъ смерти!

ХАЛИСЪ. — Царевна для меня недоступна. Лучше мнѣ умереть за великаго царя, ея отца, чѣмъ жить вдали отъ прекрасной царевны Ходжистэ.

КАМРУ, *Диву.* — Я отдамъ тебѣ и мою жизнь, и жизнь моего сына.

ДИВЪ. — Твоей жизни мнѣ не надо. Довольно одной. Избытокъ жертвъ уменьшаетъ ихъ цѣну. Отдай мнѣ только жизнь Халиса.

КАМРУ. — На твоихъ глазахъ я принесу его въ жертву. Халисъ, милый сынъ мой, единственное мое сокровище, готовъ ли ты умереть за господина нашего Кинджу, великаго царя?

ХАЛИСЪ. — Великій и справедливый царь дорогъ для всѣхъ. Онъ любитъ своихъ, онъ милостивъ къ чужимъ. Счастіе народа истекаетъ отъ великаго царя. Умереть за добраго царя хорошо, добрый царь сохраняетъ миръ среди своего народа. Если умретъ справедливый царь, ему можетъ наслѣдовать владыка жестокій, и отъ его злобы погибнутъ тысячи людей, ему подвластныхъ, и вся страна превратится въ пустыню. А потому будетъ разумно и справедливо, если ты, отецъ, убьешь меня.

КИНОДЖА. — Отрокъ разсуждаетъ разумно. И что нищему мальчику долгая жизнь! А за его вѣрность и за его жертву я щедро награжу моего стража. Денегъ и другихъ сокровищъ въ казнѣ моей много.

КАМРУ *связываетъ Халису руки и ноги, и вонзаетъ ножъ въ его грудь.* ХАЛИСЪ *вскрикиваетъ.*

ХАЛИСЪ. — Ходжистэ! *Стонетъ. Умираетъ.*

КИНОДЖА. — Умирая, вспомнилъ онъ ласковый взоръ прекрасной госпожи. Счастливый отрокъ!

ДИВЪ. — Царь останется на землѣ, пока самъ не призоветъ меня.

КИНОДЖА. — Этого ты не дождешься. *Поспѣшно уходитъ.*

ДИВЪ. — Змѣя, живущая въ огнѣ, вознесетъ твоего сына. *Скрывается.*

КАМРУ. — Я знаю змѣю, живущую въ огнѣ. Она обовьетъ тѣло моего сына, и вознесетъ его высоко надъ землею, — дымомъ и пепломъ вознесетъ его милое тѣло.

Поднимаетъ тѣло Халиса, и уноситъ его.

Дѣйствіе третье.

Сѣни чертога, какъ въ первомъ дѣйствіи. Луна свѣтитъ. ХОДЖИСТЭ, *на полную луну, какъ родная сестра, прекраснымъ лицомъ дивно похожая, и* ЧУНДЕРЪ *разговариваютъ.*

ХОДЖИСТЭ. — Прекрасный отрокъ — твой сынъ, женщина, и я полюбила его. Но нельзя мнѣ быть его женою. О, лучше бы я была рабынею! Рабынь въ домѣ великаго царя хорошо кормятъ и не обременяютъ многою работою, и я могла бы стать женою твоего сына, если

бы онъ захотѣлъ меня. Но кто изъ юныхъ, посмотрѣвъ на меня однажды, не пожелалъ бы моей любви!

ЧУНДЕРЪ. — Слушай, госпо́жа, — у одного царя была дочь необычайной красы.

ХОДЖИСТЭ. — Красивѣе меня?

ЧУНДЕРЪ. — Красивѣе тебя, госпожа, нельзя быть. И никогда не было никого красивѣе тебя, и не будетъ. Царевна, о которой я говорю, была почти такъ же прекрасна, какъ и ты. Въ нее влюбился дервишъ.

ХОДЖИСТЭ. — Безумный! Развѣ возможно, чтобы нищій породнился съ царемъ?

ЧУНДЕРЪ. — Дервишъ пришелъ къ царю, и сказалъ ему: царь, отдай мнѣ твою дочь, я люблю ее.

ХОДЖИСТЭ. — А она любила его?

ЧУНДЕРЪ. — Нельзя не полюбить того, кто любитъ.

ХОДЖИСТЭ. — Что же отвѣчалъ дервишу царь?

ЧУНДЕРЪ. — Царь сказалъ: Приведи мнѣ слона, нагруженнаго золотомъ, тогда я отдамъ тебѣ дочь.

ХОДЖИСТЭ. — Царь посмѣялся надъ бѣднымъ дервишемъ.

ЧУНДЕРЪ. — Дервишъ пошелъ къ райрайяну, и далъ ему райрайянъ слона и столько золота, сколько можетъ поднять самый сильный слонъ.

ХОДЖИСТЭ. — И дервишъ получилъ царевну?

ЧУНДЕРЪ. — Царь сказалъ: Слонъ старъ, и золото нехорошее. Знаю, райрайянъ далъ тебѣ слона и золото. Принеси мнѣ голову райрайяна, и отдамъ тебѣ мою дочь.

ХОДЖИСТЭ. — Бѣдный дервишъ!

ЧУНДЕРЪ. — Пошелъ дервишъ опять къ райрайяну. И сказалъ ему райрайянъ: Обмотай веревку вокругъ моей шеи, веди меня къ царю, и скажи: я принесъ голову вмѣстѣ съ ея тѣломъ. Если царь согласится взять ее, отрѣжь мою голову, и отдай ему.

ХОДЖИСТЭ, *всплеснувъ руками, какъ простая дѣвушка, пораженная изумленіемъ.* — Никто въ этомъ мірѣ не превзойдетъ великодушіемъ райрайяна!

ЧУНДЕРЪ. — Дервишъ привелъ на веревкѣ райрайяна къ царю. И тогда царь послалъ за дочерью, и сказалъ райрайяну: Это — твоя рабыня, отдай ее, кому хочешь.

ХОДЖИСТЭ. — И райрайянъ взялъ ее себѣ?

ЧУНДЕРЪ. — Райрайянъ отдалъ ее дервишу.

ХОДЖИСТЭ. — Счастливый дервишъ!

ЧУНДЕРЪ. — Царевна, если ты любишь моего сына, и если онъ любитъ тебя, — а тебя нельзя не любить, — обратитесь къ мудрому и благому, и онъ поможетъ вамъ.

ХОДЖИСТЭ. — Кто мудръ, и кто благъ?

КИНОДЖА *вернулся. Снимаетъ поглощающій всякій свѣтъ плащъ, и выходитъ на кровлю.* ХОДЖИСТЭ *уходитъ въ чертогъ, таится за дверью, и слушаетъ. Входитъ* КАМРУ. *Кланяется царю низко.*

КАМРУ. — Да умножатся богатства, честь и пышность великаго царя! Да продлятся дни царя, великаго источника всякихъ благъ!

КИНОДЖА. — Скажи мнѣ, что это былъ за голосъ?

КАМРУ, *почтительно сложивъ руки на груди.* — Нѣкая женщина дивной красоты, поссорившись со своимъ мужемъ, оставила свой домъ. Она сидѣла тамъ на землѣ, на перекресткѣ двухъ путей, не зная, куда ей итти, и громко причитала. Но я утѣшилъ ее тихою рѣчью, и возстановилъ миръ и согласіе между ею и ея мужемъ. И теперь эта женщина обѣщала не оставлять мужа до самой его смерти.

КИНОДЖА. — Ты разсказалъ мнѣ притчу, но я знаю ея смыслъ, и напрасно хочешь ты его скрыть отъ меня.

КАМРУ, *падая ницъ передъ царемъ.* — Иносказаніе — прозрачная для мудраго взора одежда истины.

КИНОДЖА. — Когда ты по моему повелѣнію ушелъ отсюда, я облекся чернымъ плащомъ, и пошелъ вслѣдъ за тобою. Я слышалъ все, что ты говорилъ съ тою женщиною, и видѣлъ, что ты сдѣлалъ съ твоимъ сыномъ. Не женщина то была, — то былъ Дивъ умерщвляющій, посланный за моею душою. За душу мою онъ потребовалъ выкупъ, душу твоего сына, и ты согласился дать этотъ выкупъ, чтобы спасти мою жизнь. И когда твой ножъ прервалъ дыханіе жизни твоего сына...

ХОДЖИСТЭ *вскрикиваетъ.*

КИНОДЖА *спокойно продолжаетъ, точно и не слышалъ этого крика.* — Я увидѣлъ вашу любовь и вѣрность ко мнѣ, и вотъ говорю тебѣ: Мудрый и вѣрный, и знающій многое, ты все же былъ нищъ и малъ. Ты испытывалъ крайнюю нужду и пренебреженіе богатыхъ и сильныхъ, и этимъ всегда было огорчено твое сердце. Отнынѣ успокоится твой духъ, и я сдѣлаю тебя богатымъ и знатнымъ. Сынъ же твой, — о немъ не печалься, — онъ возстанетъ, и ты увидишь его въ славѣ и величіи.

ХОДЖИСТЭ *выходитъ и плачетъ громко.*

ХОДЖИСТЭ. — Милый отрокъ погибъ! Горе мнѣ, горе!

ЧУНДЕРЪ. — Сынъ мой погибъ! Горе мнѣ, горе горькое!

КАМРУ. — Погибъ отрокъ, но зато живъ великій царь.

КИНОДЖА. — О сынѣ вашемъ чистыя воспоминанія останутся у васъ, и незапятнанъ ничѣмъ будетъ образъ его.

ХОДЖИСТЭ. — За тебя, отецъ, погибъ милый отрокъ. И если завтра Дивъ явится снова, и потомъ опять, не погибнетъ ли за одного весь народъ?

КИНОДЖА. — Я принялъ жертву, потому что отрокъ по доброй волѣ принесъ ее мнѣ.

Дѣйствіе четвертое.

Дворъ передъ чертогомъ царя. Лѣстница въ чертогъ. На верху ея, на площадкѣ, приготовлено высокое царское мѣсто.

Раннее утро. Солнце только что взошло. Лучи его еще не ярко, но празднично ясно озаряютъ всю сцену.

Немного отступя отъ середины лѣстницы, на дворѣ разложенъ костеръ. Огоньки только что начали выбѣгать изъ-подъ перепутанныхъ, тонкихъ и сухихъ стволиковъ. Слуги время отъ времени приносятъ новыя охапки хвороста, и подбрасываютъ ихъ въ костеръ.

Тѣло ХАЛИСА *лежитъ у костра.* ХОДЖИСТЭ *плачетъ надъ нимъ, и рядомъ съ нею плачетъ* ЧУНДЕРЪ.

Собрались правители, князья, ученые. КИНОДЖА *на царскомъ мѣстѣ. Синклитъ властей внимаетъ его разсказу.* КАМРУ *стоитъ на стражѣ у чертога.*

КИНОДЖА, *продолжая говорить.* — Такъ спасъ мою жизнь вѣрный мой слуга. Для спасенія царя онъ не пожалѣлъ и сына своего отдать въ жертву темной силѣ. Камру, мой вѣрный слуга, отнынѣ ты будешь моимъ великимъ визиремъ. Ключи отъ моей казны довѣряю тебѣ.

ДЖАФАРЪ. — А я? Великій царь, я служилъ тебѣ со всѣмъ усердіемъ, не жалѣя ни трудовъ, ни силъ, ни здоровья. Или ты забылъ мою вѣрную службу? Или всѣ мои труды вмѣняешь ты ни во что?

КИНОДЖА. — Тому, кто въ силѣ, всѣ служатъ вѣрно и съ усердіемъ, а кто обманываетъ сильнаго владыку, тотъ теряетъ вмѣстѣ съ головою жизнь. Я оставляю тебѣ твою мудрую голову, и отъ тебя возьмутъ только облаченіе визиря. Передъ высокою властью не всѣ ли подвластные равны? Ты, какъ и всѣ, въ этой странѣ живущіе, рабъ мой, и весь ты въ волѣ моей. Нынѣ, рабъ

среди рабовъ, войди въ толпу слугъ моихъ. Ближе другихъ стань къ моему высокому престолу, чтобы я всегда слышалъ твои мудрые совѣты. А золотую цѣпь, и ключи золотые, и золотомъ шитый плащъ сними и отдай ему, моему вѣрному Камру, котораго я изъ стражей моего чертога возвожу въ великіе визири.

ДЖАФАРЪ, *ворчитъ.* — Изъ грязи да въ князи.

Рабы подходятъ къ Джафару, снимаютъ съ него цѣпь и златошитый плащъ, а отъ пояса отвязываютъ золотые ключи. И дѣлаютъ все это съ рабскимъ злорадствомъ и съ гнуснымъ смѣшкомъ. Цѣпь и плащъ надѣваютъ на Камру, и ключи передаютъ ему. КАМРУ, *облеченный знаками своего новаго достоинства, склоняется передъ царемъ.*

Костеръ разгорается. Халиса рабы кладутъ на костеръ.

Передъ костромъ возникаетъ ДИВЪ. *Пламя костра стелется по землѣ, весь костеръ обволакивается густымъ дымомъ.*

ДИВЪ, *повелительно.* — Царь, отдай Халису дочь свою, Ходжистэ, прекраснѣйшую изъ дѣвъ земныхъ.

КИНОДЖА. — Халисъ мертвъ. Какъ мертвому отдамъ я мою дочь, прекраснѣйшую изъ дѣвъ земныхъ?

ДИВЪ. — Царь, отдай ему твою дочь.

КИНОДЖА. — Тѣло его сгоритъ. Какъ я отдамъ мою дочь развѣянному по вѣтру пеплу?

ДИВЪ. — Царь, отдай ему твою дочь.

ХОДЖИСТЭ. — Отецъ, отдай меня въ жены милому отроку. Съ нимъ вмѣстѣ взойду на костеръ, гдѣ великая пламенѣетъ любовь, достойная дочери великаго царя.

Изъ дыма возникаетъ пламенемъ одѣтая ЗМѢЯ, ЖИВУЩАЯ ВЪ ОГНѢ.

ЗМѢЯ. — Царь, дочь твоя принадлежитъ мнѣ. Душу свою она отдала этому милому отроку въ тотъ зачарованный мигъ, когда подарила ему свой плащъ.

КИНОДЖА. — Ты говорила съ отрокомъ? Ты что-то подарила ему?

ХОДЖИСТЭ. — Да, я подарила милому отроку мой плащъ, потому что онъ былъ полунагъ и дрожалъ отъ холода, и его стройныя ноги были обнажены. Я отдала ему мой плащъ, и вмѣстѣ съ плащомъ отдала ему мою душу. Отецъ, отпусти меня къ милому моему.

КИНОДЖА. — Пламенной вѣсти кто смѣетъ не вѣрить? Приходящему въ огнѣ надо повиноваться. Дочь моя, иди къ тому, кому ты отдала свою душу. Узнаетъ мудрая змѣя, что сильнѣе, огонь ли погребальнаго костра, роса ли твоихъ слезъ. Огонь ли упадетъ на землю, своимъ же задушенный дымомъ, тѣла ли ваши распадутся въ бѣшеной игрѣ стихійныхъ силъ.

ХОДЖИСТЭ *подходитъ къ костру. Дымъ обнимаетъ ее. Она колеблется, дрожитъ, закрываетъ глаза рукою, и потомъ, вдругъ рѣшившись, бросается къ костру.*

ЗМѢЯ. — Ты — моя добыча. Почему же ты пришла ко мнѣ добровольно отдать свою душу? Я больше люблю, когда жертва плачетъ, и не хочетъ, и сопротивляется, и ее влекутъ ко мнѣ силою.

ХОДЖИСТЭ. — Я иду къ моему милому.

Дымъ разрывается на клочья, уносимые вѣтромъ. Костеръ ярко пылаетъ. Изъ пламени выходитъ ХАЛИСЪ. *Лицо его радостно, кудри, какъ вѣтромъ колышемое пламя, и одежда легка и бѣла, какъ влажный и туманный дымъ.*

ЗМѢЯ. — Испепеленный ли возстанетъ? Добыча моя!

ХОДЖИСТЭ *наступаетъ ногою на ея голову.* ЗМѢЯ *шипитъ, и вдругъ разсыпается золотыми искрами. Костеръ быстро вспыхиваетъ необычайно ярко, и вдругъ сильнымъ порывомъ вѣтра весь пылающій хворостъ разносится и исчезаетъ въ воздухѣ. Солнце сіяетъ ярко.*

ХАЛИСЪ *обнимаетъ свою Ходжистэ.*

КИНОДЖА. — Возсталъ отрокъ. Что же мнѣ дѣлать? Въ душѣ моей — великое смятеніе.

ДЖАФАРЪ. — Не всякій ли, живущій на этой землѣ, рабъ невѣдомой и темной силы? Онъ возсталъ изъ огня, онъ, который спасъ тебѣ вчера жизнь. Знаешь ли ты предѣлы его чаръ и его могущества? Чтобы не было тебѣ отъ него или отъ его покровителей великаго зла, поспѣши, возведи его на твое высокое царское мѣсто, — пусть царствуетъ онъ, а ты, бывшій царь, наслаждайся покоемъ.

КИНОДЖА. — Змѣиною мудростью внушена тебѣ твоя рѣчь. Но счастливъ тотъ, кто и змѣиный голосъ въ должный срокъ услышитъ. Халисъ, отнынѣ ты — царь въ Табаристанѣ.

Среди общаго изумленія и волненія, сопровождаемый разнообразными восклицаніями, КИНОДЖА *сходитъ съ престола и удаляется въ чертогъ.*

ХАЛИСЪ и ХОДЖИСТЭ *восходятъ на царское мѣсто. Минута затаившагося въ тишинѣ вниманія смѣняется общимъ ликованіемъ. Народъ такъ радуется перемѣнѣ власти, какъ будто самъ участвуетъ въ этомъ и къ власти причастенъ.*

Содержаніе:

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИБЛИОФИЛ